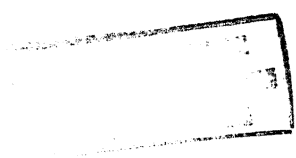
Игн. Закревскій

ПО ДѢЛУ ДРЕЙФУСА

Сборникъ статей

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, № 12
1900

20
06

ОГЛАВЛЕНІЕ

		стр.
	Предисловіе	1
I.	Дѣло Дрейфусъ-Эстергази съ юридической стороны	9
II.	Процессъ Зола	27
III.	Эпилогъ къ процессу Зола	36
IV.	Преслѣдованія противъ подполковника Пикара.	41
V.	Къ вопросу о значеніи судебной власти въ государствѣ	46
VI.	Французское общество и дѣло Дрейфуса . . .	53
VII.	Поруганіе высшей магистратуры во Франціи .	89
VIII.	Еще о французскомъ обществѣ и о дѣлѣ Дрейфуса	112
IX.	Письмо къ редактору лондонской газеты «Times».	142
X.	Письмо къ редактору парижской газеты «Siécle».	155

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изъ дѣлъ, носящихъ внѣшнее сходство съ судебнымъ дѣломъ, когда-либо и въ какомъ-либо государствѣ возникшихъ, ни одно не пріобрѣло такую громкую извѣстность, какъ дѣло Дрейфуса.

Оно, по-истинѣ, заслуживаетъ названія дѣла всемірнаго. «C'est á la barre du monde que ce procès s'est plaidé», замѣтилъ правильно одинъ изъ защитниковъ.

Общій интересъ всей образованной и необразованной публики, читающей и не читающей, во всѣхъ странахъ былъ долгое время къ нему прикованъ и вездѣ—съ такимъ напряженіемъ, какъ къ событію, у себя дома совершающемуся, какъ къ тяжелой трагедіи, разыгрывающейся на собственныхъ глазахъ.

Передъ концомъ процесса всѣ точно притаили дыханіе, затѣмъ, вдругъ, когда узнали чѣмъ кончилось, послѣдовалъ необыкновенный, невиданный общій взрывъ...

Въ теченіе моей продолжительной судебной службы я терпѣть не могъ громкихъ дѣлъ, такъ какъ находилъ, что при ходѣ ихъ нерѣдко утрачивается человѣческій смыслъ и подвергается затменію чувство справедливости. Толпа на различныхъ общественныхъ ступеняхъ, все остающаяся тою же толпою, начинаетъ волноваться, и она вноситъ свою дикость, свои предразсудки, свои предубѣжденія, свое возбужденіе въ такую область, гдѣ должно властвовать одно правосудіе... Это дѣйствуетъ вредно на судящихъ, не избавленныхъ отъ гипнотическаго дѣйствія среды, и нерѣдко подвергаетъ сомнѣнію правильность развязки.

На службѣ я всегда старался вліять, насколько отъ меня зависѣло, успокоительно на окружающихъ и низводилъ громкія дѣла до надлежащихъ ихъ размѣровъ, прилагая усилія свои къ устраненію всего случайнаго, чуждаго, страстнаго, вреднаго *).

*) Въ брошюрѣ, изданной мною въ 1896 г. подъ заглавіемъ «*Еще о судѣ присяжныхъ*», я высказалъ въ ироническій формѣ мысли сходныя съ изложенными выше.

Именно, я писалъ слѣдующее:

«Кто долго самъ стоялъ за кулисами, тотъ, вѣроятно, встрѣчался и со слѣдующею картиною.

Происходитъ разбирательство уголовнаго дѣла, приводящее въ трепетъ цѣлый городъ. Адвокаты говорятъ, дамы плачутъ,

Дѣло Дрейфуса съ самаго возникновенія своего, при видѣ всей обстановки, его окружавшей, возбудило во мнѣ нѣчто въ родѣ отвращенія и оскорбило сросшееся со мною судейское сознаніе.

присяжные оправдываютъ. Ближайшіе офиціальные, невольные соучастники оправданія приходятъ въ ужасъ. Чувство служебнаго самосохраненія возбуждается въ нихъ въ высокой степени. Имъ становится извѣстнымъ, что начальство засуетилось. Они сознаютъ, они предчувствуютъ, что сверху могутъ посыпаться громы и можетъ возникнуть вопросъ, не упрятать-ли ихъ самихъ куда-нибудь очень далеко?

А тутъ жена, дѣти... и вся служебная карьера. Вѣдь присяжные разошлись, исчезли, а кто-нибудь долженъ же отвѣчать...

Если мнѣ будетъ разрѣшено сослаться на собственную служебную практику, то скажу, что въ подобныхъ случаяхъ я,—когда имѣлъ власть,—изображая изъ себя родъ буфера между нервностью начальства и мнительностью моихъ сослуживцевъ, дѣятельность которыхъ была ввѣрена моему надзору, старался дѣйствовать на нихъ всегда умѣряющимъ, успокаивающимъ образомъ. Я говорилъ имъ, что если присяжные оправдали, то что же дѣлать? такъ оно, вѣроятно, и должно быть; на то они имѣли право по закону, и, по поводу этого, не надлежитъ ни сочинять разныя хитросплетенія, ни обвинять кого-либо въ мнимыхъ нарушеніяхъ, ни насиловать здраваго смысла и, благодаря такимъ пріемамъ, тащить на судъ оправданнаго подсудимаго, а тѣмъ менѣе заключать его въ домъ умалишенныхъ. Я добавлялъ, что, по всей вѣроятности, начальство, поволновавшись, скоро утихнетъ и само, по размышленіи зрѣломъ, будетъ довольно, что было поступлено какъ слѣдуетъ.

*

Я занялся имъ потому именно, что оно мнѣ было противно, какъ иногда бываетъ при встрѣчѣ съ предметомъ гадкимъ, отъ котораго тѣмъ не менѣе не можешь отвернуть глазъ. Поразительно было появленіе на здоровомъ, повидимому, общественномъ организмѣ зіяющей, гніющей раны.

Уже первая статья моя, помѣщенная въ «Юридической Газетѣ» въ январѣ 1898 г., содержала въ себѣ выраженіе негодованія, вызваннаго возрожденіемъ дикихъ страстей, напомнившихъ о мрачныхъ, невозвратно минувшихъ, какъ казалось до того, временахъ.

Статья эта произвела впечатлѣніе совершенно для меня неожиданное. Она была воспроизведена и въ Европѣ, и въ Америкѣ газетами различныхъ странъ и доставила мнѣ извѣстность, на которую я, какъ казалось, не имѣлъ права разсчитывать.

Стали повсемѣстно ссылаться на авторитетъ безпристрастнаго русскаго судьи.

Признаюсь, что это обстоятельство въ значительной степени побудило меня писать далѣе.

Мнѣ представлялось, что эта публицистическая работа — продолженіе прежней судебной службы моей. Всѣ послѣдующія статьи мои сплошь представляли собою шедшій изъ Россіи и имѣвшій отголосокъ на Западѣ призывъ къ право-

судію, напоминаніе объ элементарныхъ формахъ его.

Я отказывался, несмотря на настояніе моихъ французскихъ друзей, входить печатно въ обсужденіе обстоятельствъ дѣла и касаться вопроса о виновности или невиновности обвиняемаго. Этого я тщательно избѣгалъ, но продолжалъ возмущаться поруганіемъ основныхъ гарантій правильнаго суда, безсиліемъ власти, упадкомъ авторитета ея, пошлостью характеровъ, низменностью побужденій и, рядомъ съ этимъ, могуществомъ толпы, уличной и салонной, съ ея безсмысліемъ и легковѣріемъ. Меня особенно занимала мысль, какъ могли явленія до того безобразныя обнаружиться во Франціи при славномъ идейномъ прошедшемъ этой страны?

Мои наблюденія и выводы по этому предмету были изложены въ статьяхъ, появившихся въ газетахъ «Новости» и «С.-Петербургскія Вѣдомости».

Въ дѣлѣ Дрейфуса рѣчь шла не о судьбѣ одного только человѣка, а были затронуты важнѣйшіе вопросы, волнующіе человѣческія общества вообще.

Послѣ рѣшенія соединенныхъ палатъ французскаго кассаціоннаго суда, создавшаго себѣ памятникъ своимъ великолѣпнымъ по обстоятельности

.и глубокой обдуманности, а также образцовымъ по нелицепріятію рѣшеніемъ,—я замолчалъ о дѣлѣ.

И только когда состоялось второе рѣшеніе военнаго суда, подъ впечатлѣніемъ минуты и того общаго негодованія, которое охватило, съ небывалымъ единодушіемъ, огромное число людей различнѣйшихъ состояній во всѣхъ частяхъ міра, я, находясь за-границею, написалъ по французски, въ формѣ письма, небольшую статью, которая была помѣщена въ лондонской газетѣ «Times» *)

*) По поводу впечатлѣнія, произведеннаго приговоромъ военнаго суда, засѣдавшаго въ Реннѣ, я могу разсказать слѣдующее:

Въ то время, когда дѣло приходило къ концу, я совершалъ путешествіе пѣшкомъ въ восточной части Швейцаріи въ горахъ, въ мѣстностяхъ, лишенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Такъ какъ я зналъ, что останусь нѣсколько дней безъ газетъ, то поручилъ одному изъ членовъ моей семьи, находившейся въ Монтрё, телеграфировать мнѣ объ исходѣ процесса. Я получилъ краткую телеграмму, что подсудимый приговоренъ къ десяти годамъ заключенія. Телеграмма застала меня въ деревнѣ, гдѣ я остановился на сутки для отдыха послѣ утомительнаго перехода. Дѣвица, работавшая на телеграфѣ, тотчасъ разболтала о содержаніи ея. Нужно было видѣть, какое негодованіе охватило всю деревню и сколько крестьянъ, узнавшихъ, гдѣ остановился путешественникъ, получающій непосредственно извѣстія, приходило ко мнѣ узнать, правда-ли? можетъ-ли это быть?

Тутъ же было написано мною письмо, появившееся въ

Смыслъ упомянутой статьи моей былъ иными въ Россіи невѣрно истолкованъ. Но читатели сами увидятъ, что эти на-скоро набросанныя строки содержатъ въ себѣ въ отрывочныхъ предложеніяхъ только то, что я прежде болѣе обстоятельно высказывалъ въ русскихъ своихъ статьяхъ.

Когда же я получилъ изъ Франціи, съ разныхъ сторонъ, заявленія, исполненныя симпатіи, несмотря на нѣкоторую рѣзкость тона лондонской статьи, то я обратился въ парижскую газету «Siècle» съ письмомъ, въ которомъ постарался точнѣе опредѣлить, къ какой именно категоріи французовъ относились мои сѣтованія. Письмо, появившееся въ «Siècle», редакція «Times'a», по собственному почину, перевела на англійскій языкъ и помѣстила въ своемъ изданіи.

Я долженъ по правдѣ сказать, что Французы гораздо лучше поняли меня, чѣмъ мои соотечественники.

«Times» и которое я первоначально предназначалъ для «Journal de Génève». Редакція этой газеты, выразивъ мнѣ полное сочувствіе, нашла, однако, что такъ какъ многочисленные ея французскіе читатели безъ того готовы видѣть въ швейцарцахъ враговъ своихъ, то удобнѣе напечатать письмо въ Лондонѣ, а затѣмъ уже воспроизвести его на столбцахъ женевскаго изданія.

Я послѣдовалъ этому совѣту.

Какъ бы мало значенія ни имѣло то, что я написалъ по данному предмету и что воспроизведено здѣсь безъ всякаго измѣненія, но я не желаю, чтобы оно потонуло безслѣдно въ газетныхъ волнахъ, тѣмъ болѣе, что я самъ подвергся нареканіямъ, неосновательность которыхъ слѣдуетъ установить, хотя-бы ради отвлеченныхъ понятій о справедливости и истинѣ.

Дѣло Дрейфуса роковое дѣло. Оно принесло несчастіе многимъ изъ тѣхъ, которые захотѣли сказать въ связи съ нимъ слово правды.

I.

Дѣло Дрейфусъ-Эстергази съ—юридической стороны *).

Взволновавшее чуть-ли не всю Францію дѣло, названное въ заголовкѣ, независимо отъ всякихъ общихъ соображеній, съ ними связанныхъ, а главное отъ тяжелаго впечатлѣнія, вызываемаго внутренними междуусобіями и разнузданными страстями, проявившимися по несоотвѣтствующему поводу среди французскаго общества,—дѣло это, помимо всего указаннаго, особенно любопытно для юриста, такъ какъ оно съ поразительною наглядностью подтверждаетъ, какъ опасно гдѣ либо когда либо и подъ какими либо предлогами отступать отъ коренныхъ началъ правосудія, примѣшивать къ дѣлу суда политическіе вопросы и не соблюдать существенныхъ обрядовъ судопроизводства.

---

*) Юридич. Газ. 29 Января 1898 г. № 9.

Что во Франціи часто по той или другой причинѣ разгораются политическія страсти, въ связи съ которыми возникаетъ шумъ, дѣлаются разоблаченія, обнажаются язвы, заразившія общественный организмъ (стоитъ вспоминать имена Вильсона Буланже, Панамы и др.) въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго. Прежде всего — психологія народа порывистаго, увлекающагося, въ которомъ предшествующая исторія,—гдѣ произволъ сверху смѣнялся анархіею снизу,—не выработала тѣхъ чертъ характера, спокойнаго и трезваго, которые должны быть свойственны самоуправляющемуся общественному организму. Эти черты, столь свойственныя англо-саксонской и германской расамъ, замѣтно отсутствуютъ у романскихъ. И это дѣло не только исторіи, а просто крови.

Далѣе, всѣ эти живые остатки прежнихъ бурныхъ переворотовъ, эти взаимно ненавидящія другъ друга группы людей, между которыми малѣйшія искры вызываютъ взрывы. Наконецъ, широкая гласность съ ея благодѣтельными и вмѣстѣ съ тѣмъ отрицательными послѣдствіями.

Однако, то что особенно ново и печально въ послѣднихъ событіяхъ, совершившихся во Франціи, это—звѣрское проявленіе такъ называемаго антисемитизма.

Кто могъ бы думать нѣсколько лѣтъ тому назадъ, двадцать, тридцать лѣтъ, что на французской землѣ, которая родила Вольтера и сыны которой гордятся тѣмъ, что они первые торжественно признали предъ всѣмъ міромъ, что всѣмъ людямъ, независимо отъ происхожденія и отъ убѣжденій, отъ племени и отъ религіи, принадлежатъ одни и тѣ же человѣческія права,—что тамъ, въ этой скептической и свободной Франціи, раздадутся дикіе крики: «жидъ, жидъ, ату его! бей жида!»... Пусть бы это дѣлалось въ другихъ обществахъ, не имѣющихъ такого прошедшаго, какъ французское. Но Франціи стыдно проявлять подобные признаки зоологическаго регресса.

Видно, что уже такъ суждено человѣчеству: сдѣлать два шага впередъ, а затѣмъ непремѣнно одинъ назадъ. Таковъ, вѣроятно, соціологическій законъ.

Все это мы сказали мимоходомъ и обращаемся къ занимающимъ насъ вопросамъ юридическаго свойства въ дѣлѣ Дрейфусъ-Эстергази.

Собственно говоря, это два дѣла, которыя неизбѣжно, по законамъ логики, слились въ одно.

Два лица, преданныя военному суду въ разное время и при различныхъ процессуальныхъ особенностяхъ, обвинялись въ одномъ и томъ же тяж-

комъ преступленіи—въ государственной измѣнѣ, при чемъ такъ какъ обстоятельства дѣла вращались около однихъ и тѣхъ же фактовъ, то виновность одного исключала виновность другого.

Противъ капитана генеральнаго штаба Дрейфуса, еврея по происхожденію, обвиненіе было поставлено прямо, правительственною властью: онъ былъ признанъ виновнымъ военнымъ судомъ, разжалованъ и сосланъ за моря безсрочно. Противъ эскадроннаго командира Эстергази, происходящаго изъ Венгріи, дѣло было начато частными лицами, сторонниками Дрейфуса, и правительство, уступило производимому на него давленію нехотя, поручивъ военному суду повѣрить шумныя заявленія о томъ, что доказательства, предъявленныя противъ Дрейфуса, должны были относиться не къ нему, а всецѣло къ Эстергази. Въ числѣ такихъ доказательствъ имѣется такъ называемое и столь часто упоминавшееся «бордеро». Это записка анонимная, неизвѣстно кѣмъ написанная, кому адресованная и откуда взявшаяся и игравшая какую-то роль, пока не вполнѣ объясненную, въ процессѣ. Ибо до сихъ поръ всѣ обстоятельства дѣла покрыты тайною въ публику проникли только слѣдующія отрывочныя свѣдѣнія.

Вскорѣ послѣ ареста Дрейфуса, послѣдовав-

шаго въ октябрѣ 1894 г., когда онъ находился еще въ одиночномъ заключеніи, такъ усердно практикующемся во французской слѣдственной практикѣ, бывшій военный министръ, генералъ Мерсье, имѣлъ интервью съ сотрудникомъ газеты «Фигаро», которая въ нумерѣ своемъ отъ 30 ноября 1894 г. помѣстила произнесенныя генераломъ слова. «Я сообщилъ», сказалъ министръ, «главѣ кабинета и прочимъ моимъ коллегамъ подавляющія своею убѣдительностью донесенія, которыя къ намъ поступили. Болѣе ничего сказать не могу, такъ какъ разслѣдованіе еще не кончено. Одно добавлю, это то, что виновность этого офицера (Дрейфуса) несомнѣнна и что онъ имѣлъ сообщинниковъ среди штатскихъ». (Замѣчательно это убѣжденіе, сложившееся до окончанія разслѣдованія и передаваемое газетамъ начальникомъ тѣхъ судей, которые впослѣдствіи судили Дрейфуса!).

Далѣе, въ сентябрѣ 1896 г., послѣ ссылки Дрейфуса, газета «Eclair», принявшая на себя защиту дѣйствій военныхъ властей противъ начавшейся уже тогда агитаціи со стороны родственниковъ осужденнаго и получавшая, повидимому, матеріалы изъ официальныхъ источниковъ, помѣстила на столбцахъ своихъ слѣдующее:

«Военные агенты при германскомъ посольствѣ

послали своимъ коллегамъ итальянскаго посольства шифрованное письмо, которое на пути было очень удачно разобрано и сфотографировано. Шифръ тотъ самый, которымъ пользуется германское посольство. Это шифръ уже былъ извѣстенъ и тайна того, какъ онъ добытъ, слишкомъ важна для того, чтобы разгласить ее. Вотъ почему это письмо не было предъявленно на судѣ, *почему оно было сообщено судьямъ секретно, въ совѣщательной комнатѣ, въ отсутствіи защитника подсудимаго.* Этотъ документъ окончательно склонилъ убѣжденіе судей, которое затѣмъ высказалось единогласно и рѣшительно». (Вѣроятно тутъ говорится о запискѣ будто бы перехваченной на почтѣ со словами: «Негодный Д..... все становится требовательнѣе» *).

Наконецъ, въ декабрѣ 1897, военный министръ, генералъ Билье заявилъ въ палатѣ депутатовъ, что онъ, какъ солдатъ и какъ глава арміи, торжественно утверждаетъ, что приговоръ о Дрейфусѣ былъ правиленъ и что Дрейфусъ виновенъ. (Все вѣрь на слово!).

Факсимиле вышеупомянутой анонимной записки (бордеро) было воспроизведено французскими газетами, которымъ оно было, кажется, сообщено

*) Теперь извѣстно, что документъ этотъ былъ подложенъ.

«по секрету» генераломъ Мерсье. Вотъ приблизительно его содержаніе: «Не имѣя извѣстія о томъ, желаете ли вы меня видѣть, посылаю вамъ тѣмъ не менѣе нѣкоторыя свѣдѣнія: 1) замѣтку о гидравлической силѣ 120 лошадиныхъ силъ (?) и о способѣ съ нимъ обращаться. 2) записку о войскахъ... (неразборчиво) и о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ, производимыхъ по новому плану; 3) записку о перемѣнахъ въ сформированіи артиллеріи; 4) записку о Мадагаскарѣ; 5) руководство стрѣльбы для полевой артиллеріи (26 Марта 1894 г.). Послѣдній изъ указанныхъ документовъ чрезвычайно трудно достать и онъ останется въ моемъ распоряженіи только нѣсколько дней. Военный министръ разослалъ опредѣленное число экземпляровъ каждой части, и эти части отвѣчаютъ за присланное лично. Офицеръ (хранящій экземпляръ) долженъ возвратить сейчасъ послѣ маневровъ. Если вы желаете извлечь изъ него то, что вамъ нужно, то я сдѣлаю... Развѣ вы захотите, чтобы была снята полная копія и вамъ прислана. Отправляюсь на маневры». (Сторонники Дрейфуса указывали, что онъ на маневрахъ, по роду своей службы, никогда не бывалъ, а что напротивъ того Эстергази часто въ манервахъ участвовалъ).

Приведенная записка играла важную роль въ

ряду доказательствъ. Почеркъ ея былъ осмотрѣнъ экспертами какъ при разборѣ дѣла о Дрейфусѣ, такъ и объ Эстергази, сличенъ съ почерками этихъ лицъ, и эксперты, кажется, высказались скорѣе въ пользу Эстергази и противъ Дрейфуса, единогласно и рѣшительно или нѣтъ—неизвѣстно *).

Какъ уже сказано, правительство выступило противъ Эстергази неохотно, какъ бы по принужденію, не скрывая отчасти предвзятаго взгляда своего, что офицеры судившіе Дрейфуса, не могли допустить судебной ошибки и что агитація, направленная къ возстановленію его добраго имени, ничто иное, какъ недобросовѣстная продѣлка, во главѣ которой стоитъ компанія евреевъ.

Военные кружки отнеслись сочувственно къ подобному направленію. Заговорили о «чести арміи», ни въ чемъ тутъ не причастной. Дѣло сразу сошло съ юридическаго пути: вмѣсто спокойнаго, безстрастнаго разбора жгучаго вопроса—не наказанъ ли виновный, кто бы онъ ни былъ, еврей или христіанинъ, и какимъ бы судомъ ни былъ осужденъ онъ, военнымъ или гражданскимъ?—

*) При второмъ разборѣ, въ Реннѣ, только одинъ изъ экспертовъ, производившій изслѣдованіе при помощи особенно замысловатой, возбудившей смѣхъ, системы, высказался рѣшительно противъ Дрейфуса.

вмѣсто торжественнаго слова правосудія раздались голоса страсти и ненависти. Дѣло опустилось въ омутъ необузданной газетной брани, уличныхъ свалокъ, парламентскаго бокса. Послышались крики: «да здравствуетъ армія, бей жидовъ!»...

Какъ по французскому закону (433 ст. code d'instr. crim.) такъ и по русскому (936 ст. уст. уг. суд.), законными причинами возобновленія уголовныхъ дѣлъ признается: осужденіе различными приговорами нѣсколькихъ лицъ за одно и то же и при томъ такое преступленіе, совершеніе коего однимъ изъ осужденныхъ доказываетъ невозможность совершенія его другимъ, открытіе подложности документовъ или лживости показаній, на которыхъ основанъ приговоръ.

Сторонники Дрейфуса, они же обвинители Эстергази, заявили, что могутъ представить новыя доказательства, не бывшія до того въ виду.

О пересмотрѣ дѣла Дрейфуса сразу не могло быть рѣчи. Вступившій въ законную силу приговоръ не долженъ быть поколебленъ безъ законнаго повода, по однимъ презумпціямъ, иначе не было бы конца уголовнымъ дѣламъ и всякое уваженіе къ органамъ юстиціи утратилось бы. Но человѣческое правосудіе не непогрѣшимо, и судебная ошибка подлежитъ всегда исправленію, когда

бы она ни была обнаружена, съ соблюденіемъ однако законнаго порядка.

Все, что приводилось противъ Эстергази, должно было быть нелицепріятно обсуждено; документы, подшитые къ производству о Дрейфусѣ, подлежали, въ случаѣ требованія, провѣркѣ по отношенію къ Эстергази. И тогда только, въ случаѣ осужденія Эстергази, возникъ бы вопросъ, насколько его виновность совмѣстима съ виновностью Дрейфуса.

Такъ приблизительно оно и было сдѣлано. Эстергази какъ-то легонько судили. Знаменитое «бордеро» было еще разъ осмотрѣно. Сторонники Дрейфуса, повидимому, не привели ничего особенно новаго и вѣскаго по части новыхъ обстоятельствъ, ничего соотвѣтствующаго тому шуму, который они затѣяли. Не оказалось формальныхъ поводовъ къ пересмотру дѣла о Дрейфусѣ. И едва ли кто изъ юристовъ судя, по крайней мѣрѣ, по тому, что сдѣлалось до настоящаго времени достояніемъ гласности, высказался бы, при хладнокровномъ обсужденіи вопроса, за пересмотръ. Словомъ, французскимъ правительствомъ формальная сторона была соблюдена, хотя постоянно замѣчалась предубѣжденность его взгляда выразившагося въ томъ, что оно допустило внести въ дѣло вполнѣ судебнаго свойства такой посто-

ронній, все запутавшій политическій элементъ, какъ вопросъ о «чести арміи», которая, конечно, страдаетъ отъ того, когда въ рядахъ начальствующихъ въ ней лицъ оказывается множество политикановъ и интригановъ и обнаруживается между ними болѣе козней, чѣмъ уваженія къ дисциплинѣ. Но эта честь ни малѣйше не была бы затронута, если бы дѣйствительно было установлено, что военный судъ ошибся по несоблюденію ли извѣстныхъ формъ процесса, по подложности ли представленныхъ ему доказательствъ, или вообще потому, что ни одному изъ людей или изъ человѣческихъ учрежденій не свойственна непогрѣшимость.

Въ концѣ концовъ, несмотря на стремленіе французскаго правительства поступать сдержанно и корректно, впечатлѣніе изъ всего дѣла получилось самое тяжелое. Общественная совѣсть, по крайней мѣрѣ, насколько она выражается не уличными крикунами и любителями парламентскихъ кулачныхъ боевъ, а спокойными и просвѣщенными людьми, осталась совершенно неудовлетворенною. Многіе изъ этихъ людей вынесли такое чувство изъ всего происшедшаго, какъ будто допущено величайшее беззаконіе. Форма и формальные поводы къ пересмотру отошли на задній планъ. За-

говорили живое человѣческое и гражданское чувство. Отсюда хлесткій и забористый протестъ Зола и многихъ лицъ, къ нему присоединившихся. Отсюда выраженіе сочувствія, предметомъ котораго сталъ французскій романистъ со стороны многихъ иностранцевъ, такъ какъ дѣло Дрейфусъ-Эстергази перешло за границу Франціи и заинтересовало весь образованный міръ. Достаточно указать на огромное число журнальныхъ и газетныхъ статей, написанныхъ объ этомъ дѣлѣ на всѣхъ языкахъ.

Дѣло это—и въ томъ его особенный интересъ—знаменуетъ собою полный провалъ, полное посрамленіе суда закрытаго, тайнаго, инквизиціоннаго. Дрейфуса и Эстергази судили во мракѣ;—никто до сихъ поръ не знаетъ, какія обстоятельства и мотивы положены были въ основаніе обвинительнаго и оправдательнаго приговоровъ. Благодаря этому мраку, осталось не опровергнутымъ чудовищное заявленіе, что Дрейфусъ былъ осужденъ на основаніи доказательствъ, непредъявленныхъ при судебномъ слѣдствіи, показанныхъ судьями только въ совѣщательной комнатѣ, когда подсудимый уже не могъ представить никакихъ опроверженій. Если это такъ было,—а, по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, генералъ Мерсье въ томъ

сознался,—то судъ надъ Дрейфусомъ не былъ судомъ, а застѣнкомъ, а воспроизведеніемъ испанской инквизиціи. Если въ дѣйствительности было допущено подобное вопіющее нарушеніе всякихъ формъ процесса, то хотя-бы не только бывшій военный министръ Бильо поклялся на трибунѣ, что онъ убѣжденъ въ виновности Дрейфуса, но если бы всѣ министры Франціи принесли такую же клятву,—что всѣ они въ совокупности и каждый въ отдѣльности въ томъ же убѣждены,—тѣмъ не менѣе оставалось бы только пригласить этихъ министровъ посыпать головы свои пепломъ, ибо ни одно уважающее себя правительство не должно допускать такихъ безобразій. Никакіе крики о «чести арміи» не въ силахъ заглушить голосъ людей, которымъ дороги начала правосудія, такъ какъ безъ нихъ ни одинъ цивилизованный народъ жить не можетъ.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу, почему необходимо было производить судъ при закрытыхъ дверяхъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать при свѣтѣ гласности, со всѣми гарантіями публичности,—что вызвало всю кутерьму,—то нужно сказать, что судъ во мракѣ былъ обоснованъ такими соображеніями, отъ которыхъ порядочные люди должны бы въ наше время отказаться.

Ссылались на государственную тайну, на необходимость соблюденія осторожности въ международныхъ отношеніяхъ — не ссориться съ иноземными правительствами, не обнаруживать передъ всѣмъ свѣтомъ тѣхъ продѣлокъ, посредствомъ которыхъ узнаются разные секреты въ чужихъ странахъ.

Но какое неутѣшительное зрѣлище представляютъ эти самыя цивилизованныя правительства, подкарауливающія, подсматривающія другъ друга, выкрадывающія другъ у друга разные планы, бумаги и пускающія въ ходъ лазутчиковъ, воровъ, сомнительныхъ женщинъ, сбродъ всякаго рода, чтобы запускать руку туда, гдѣ что скрывается! На устахъ улыбки, комплименты, общія мѣста о неизмѣнной дружбѣ, да еще концерты, балеты, а втихомолку подсматриваніе, подслушиваніе, подкрадываніе . . . Если это все нужно, если шпіоны при этомъ необходимы, если безъ нихъ нельзя вести государственныхъ дѣлъ, то пусть же они исполняютъ свои болѣе или менѣе нечистоплотныя обязанности, но при нихъ и остаются. Какъ можно выставлять такихъ субъектовъ въ качествѣ обвинителей на судѣ, да еще болѣе — вводить ихъ тайными ходами въ совѣщательную комнату судей или вносить туда, безъ вѣдома подсудимаго, то что они гдѣ-то похитили?

Но какъ же слѣдуетъ поступать, скажутъ, если шпіоны, какая бы ни была ихъ нравственность, представятъ убѣдительныя доказательства государственной измѣны? Ну, отвѣтимъ мы, въ такомъ случаѣ выгоньте измѣнника, удалите со службы этого вреднаго и презрѣннаго человѣка. Вы — начальство, вы въ правѣ дѣйствовать по вашему усмотрѣнію, по вашему внутреннему убѣжденію. Но когда вы идете въ судъ, когда вы отправляете туда подчиненнаго вашего, взводя, на него тяжкое обвиненіе, требуя для него строгаго, на основаніи закона, наказанія, то являйтеся же съ опрятными средствами,—съ доказательствами, не боящимися свѣта, дѣйствуйте способами, дозволенными законами цивилизованнаго міра, въ особенности, не шепчитесь съ судьями, не совращайте ихъ вашими «агентурными свѣдѣніями».

Все это, кажется, было нарушено въ дѣлѣ Дрейфуса, да къ тому еще—судъ офицерскій, военный, особенно склонный къ патріотическимъ увлеченіямъ, приходящій въ восторгъ при возгласахъ о «чести мундира»,—изъятіе изъ общаго порядка судопроизводства, а всякія такія изъятія никогда не вселяли къ себѣ особеннаго довѣрія. Въ Англіи, напримѣръ, когда военный судъ приговоритъ подсудимаго къ тяжкому наказанію, то хотя такой

приговоръ и окончательный и не подлежитъ обжалованію, но, въ случаѣ просьбы подсудимаго о помилованіи, по существующей практикѣ, все производство отсылается, распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ, на разсмотрѣніе коллегіи изъ двѣнадцати гражданскихъ судей, которые и даютъ свое заключеніе.

Выраженіемъ негодованія противъ допущенныхъ нарушеній основъ правосудія или, точнѣе говоря, противъ подобія его, таившагося во мракѣ, являются письма Зола и лицъ, присоединившихся къ нему. (Въ числѣ лицъ протестующихъ встрѣчаются имена бывшихъ министровъ Вальдекъ-Руссо, Фрейсинэ, Трарье и многихъ другихъ). Конечно, нельзя относиться совершенно серьезно ко всѣмъ рѣзкимъ выходкамъ романиста противъ военнаго вѣдомства. Но безъ этой рѣзкости протестъ естественный, неизбѣжный въ цивилизованномъ обществѣ, которое безъ уваженія къ правосудію немыслимо,—протестъ этотъ не имѣлъ бы желаемаго успѣха, не произвелъ бы того шума, безъ котораго французы жить не могутъ *).

Чувствуя скользкую почву подъ ногами, фран-

*) Впослѣдствіе оказалось, что все написанное тогда Зола было далеко не преувеличено, а скорѣе, какъ онъ потомъ сказалъ, умѣренно въ сравненіи съ тѣмъ, что со временемъ раскрылось.

цузское правительство не рѣшилось обвинять Зола во всемъ, что слѣдовало по буквѣ закона.

Оно оставило въ сторонѣ всѣ его оскорбительныя для высшихъ лицъ военнаго вѣдомства заявленія и предало его суду за нападки собственно на военный судъ, за такія нападки, по отношенію къ которымъ Зола не въ состояніи былъ представить уважительныхъ оправданій. Такъ, напримѣръ, онъ написалъ, что военный судъ постановилъ приговоръ «по приказанію». Разумѣется, что Зола не можетъ установить наличности подобнаго «приказанія», котораго, конечно, и не было на самомъ дѣлѣ, такъ какъ всякаго рода кабинетная юстиція находитъ всегда возможность достигать желаемаго и безъ прямыхъ приказаній.

Весьма интересно, что германское правительство, а за нимъ и итальянское рѣшились открыто заявить, чтобы еще ярче выставить всю нелѣпость тайны, которой окружено было производство о Дрейфусѣ,—что они никакого сношенія съ нимъ не имѣли. Что бы ни говорили безшабашные французскіе газетчики, спекулирующіе на счетъ дешеваго шовинизма и дѣланнаго патріотизма, а германскій министръ иностранныхъ дѣлъ и за нимъ и итальянскій не могли сказать неправду. Судьи, которые судили Дрейфуса, и члены правительства,

которые клялись въ томъ, что онъ виновенъ, знаютъ за что онъ осужденъ. И если бы Германія и Италія въ томъ были замѣшаны, то правительства ихъ сами неопровержимо изобличили бы себя въ явной лжи.

Дѣло Дрейфусъ-Эстергази останется памятнымъ тѣмъ, что оно, съ одной стороны, вызвало протестъ во имя высшихъ интересовъ правосудія противъ исключительныхъ судовъ, противъ бряцанія оружіемъ въ такой области, гдѣ должна царствовать одна Ѳемида, противъ тайнаго, инквизиціоннаго суда, противъ нарушенія существенныхъ формъ судопроизводства подъ предлогомъ соблюденія политическаго приличія, а, съ другой стороны, упомянутое дѣло доказало, какіе грубые инстинкты еще кроются въ народѣ, причисляющемъ себя къ числу самыхъ образованныхъ, и какъ легко среди современной цивилизаціи вызвать не только въ массахъ, но и въ среднихъ слояхъ общества проявленіе звѣрскихъ страстей.

II.

Процессъ Зола *).

Чѣмъ бы ни кончилось дѣло, разсматривающееся теперь въ сенскомъ ассизномъ судѣ въ Парижѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію Эмиля Зола въ диффамаціи въ печати противъ членовъ военнаго суда, постановившихъ приговоръ о маіорѣ Эстергази, заподозрѣнномъ въ государственной измѣнѣ, — будетъ ли Зола обвиненъ или оправданъ, что́ для насъ, разсматривающихъ вопросъ съ юридической стороны, совершенно безразлично, но несомнѣнно—по ходу процесса—что обвиняемый достигъ той цѣли, къ которой стремился, когда, своими рѣзкими нападками на лицъ военнаго вѣдомства, вынудилъ правительственную власть предать его суду.

---

*) «Юридич. Газ.», 8-го февраля 1898, № 12. Писано до вердикта присяжныхъ.

Судебное слѣдствіе по дѣлу Зола выяснило почти несомнѣнно, что приговоръ о капитанѣ Дрейфусѣ, осужденномъ, разжалованномъ и сосланномъ за то, что онъ умышленно и съ корыстною цѣлью открылъ иностранному правительству военныя тайны, до которыхъ онъ имѣлъ доступъ по службѣ своей,— что этотъ приговоръ постановленъ съ такимъ нарушеніемъ основныхъ формъ уголовнаго процесса, военнаго и общегражданскаго, при которомъ онъ не могъ бы ни въ одной странѣ, причисляющей себя къ семьѣ цивилизованныхъ, быть признаваемъ судебнымъ рѣшеніемъ, могущимъ вступить въ законную силу.

Зола желалъ доказать, что Дрейфусъ сдѣлался жертвою неправосудія. И если французскому романисту не удалось установить невиновность осужденнаго, — что собственно и не было возможно, такъ какъ вопросъ о виновности или невинности Дрейфуса не подлежалъ разсмотрѣнію по существу и даже, собственно говоря, этого вопроса, такъ настойчиво выступавшаго, Зола не долженъ былъ касаться, хотя всѣ о немъ говорили,—то во всякомъ случаѣ онъ, процессомъ своимъ, возбудилъ самыя основательныя предположенія того факта, что во время суда надъ Дрейфусомъ былъ внесенъ, по приказанію бывшаго воен-

наго министра, генерала Мерсье, въ совѣщательную комнату судей документъ, добытый сыскными агентами военнаго министерства, или откуда-то военнымъ министерствомъ полученный, изобличавшій будто бы Дрейфуса въ преступленіи и который не былъ предъявленъ ни подсудимому, ни его защитнику. Такимъ образомъ Дрейфусъ самъ не могъ знать, на какомъ основаніи онъ осужденъ *).

Если это такъ было, то надъ Дрейфусомъ не было суда, а произошло нѣчто такое, что составляетъ отрицаніе всего, что сколько нибудь походитъ на правильный судъ.

Послѣ подобнаго разоблаченія, что бы дальше ни происходило по дѣлу Зола, какія бы показанія ни давали тѣ или другіе свидѣтели, какъ бы ни путались эксперты по части почерковъ, кѣмъ бы и какія рѣчи ни произносились, пересмотръ дѣла Дрейфуса навязывается самъ собою, въ силу закона.

Генералъ Мерсье могъ устранить всякія сомнѣнія однимъ словомъ. Отъ него зависѣло удостовѣрить, что судъ надъ Дрейфусомъ происходилъ во всемъ согласно съ правилами процесса.

---

*) При второмъ разборѣ, въ Реннѣ, оказалось, что въ числѣ секретныхъ документовъ, предъявленныхъ въ совѣщательной комнатѣ судьямъ, находились и подложные.

Защитникъ Зола настойчиво этого добивался, предупреждая даже бывшаго военнаго министра, что онъ словомъ своимъ, словомъ честнаго воина, въ которомъ никто усомниться не въ правѣ, имѣетъ возможность поразить всѣ построенія защиты. Тѣмъ не менѣе генералъ Мерсье не рѣшился сказать, что секретнаго документа военнымъ судьямъ предъявлено не было, а сослался на служебную тайну, которая не могла служить препятствіемъ къ устраненію важныхъ сомнѣній въ законномъ ходѣ судебнаго разбора. Если начальствующія въ войскахъ лица признали возможнымъ удостовѣрить, что, по ихъ убѣжденію, конечно, вполнѣ искреннему и основанному на имъ однимъ извѣстныхъ фактахъ, Дрейфусъ виновенъ, то ничто не мѣшало имъ успокоить общественную совѣсть энергическимъ протестомъ противъ тяжкихъ обвиненій, взводимыхъ относительно самого порядка суда.

Но они этого не сдѣлали. Кромѣ того, изъ данныхъ судебнаго слѣдствія видно, что объ этомъ секретномъ документѣ, было, по всей вѣроятности, извѣстно и бывшему президенту республики Казиміру Перье и бывшимъ министрамъ юстиціи Тевенэ и Трарье. И они всѣ бездѣйствовали. Бывшіе же министры эти теперь восклицаютъ: «что за порядки! въ какой странѣ живемъ мы?» Но не

лучше ли было имъ, вмѣсто запоздалыхъ, хотя и симпатичныхъ восклицаній, въ свое время принять соотвѣтствующія мѣры въ установленномъ порядкѣ, пока улица и возбуждающія страсти газеты не вмѣшались и пока дѣло о Дрейфусѣ не превратилось изъ дѣла чисто судебнаго, гдѣ рѣчь можетъ идти только о правосудіи, въ какой-то огромныхъ размѣровъ политическій, вѣроисповѣдный, соціальный, военный, партійный, электоральный и Богъ знаетъ еще какой вопросъ.

Между тѣмъ французскій законъ открываетъ министру юстиціи широкое поприще для дѣятельности въ случаяхъ подобныхъ настоящему.

443 ст. code d'instr. crimin., дополненная и расширенная продолженіемъ 8 іюня 1895 г., предоставляетъ министру юстиціи, независимо отъ правъ осужденнаго и его родственниковъ, предлагать о пересмотрѣ уголовнаго дѣла, между прочимъ, и по вновь открытымъ обстоятельствамъ.

Допустимъ, что по дѣлу Дрейфуса новыхъ обстоятельствъ не открыто и что означенная статья поэтому не примѣнима.

Но существуетъ 441 статья того же устава, которая обязываетъ министра юстиціи предлагать уголовному кассаціонному суду объ отмѣнѣ приговоровъ явно противныхъ закону; 81 статья фран-

цузскаго военно-суднаго устава 9 іюня 1857 г. прямо ссылается на упомянутую 441 статью общаго устава, а многолѣтняя судебная практика допускала кассацію приговоровъ военныхъ судовъ уголовнымъ кассаціонномъ судомъ при нарушеніяхъ даже менѣе важныхъ, чѣмъ то, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь.

Слѣдовательно, юридическія послѣдствія, вытекающія изъ процесса Зола, ясны, независимо отъ судьбы, которая постигнетъ его самого и независимо отъ той или другой оцѣнки его поступка.

Но дѣло происходитъ во Франціи, и можно ли разсчитывать на спокойное и справедливое примѣненіе закона въ этой странѣ?

Съ одной стороны мы слышимъ такое заявленіе: Le parti miltaire se met audessus de la loi (военная партія ставитъ себя выше закона). Съ другой стороны раздаются вопли антисемитовъ, вой шовинистовъ, брань пресмыкающихся печати, а улица реветъ: «долой продажныхъ! смерть измѣнникамъ!»

Среди такихъ обстоятельствъ властямъ придется разобраться и имъ, конечно, не легко; тѣмъ болѣе, что крайнія политическія партіи только и думаютъ, какъ бы, по поводу дѣла Дрейфуса, создать теперешнему правительству затрудненія наканунѣ выборовъ.

Французскій народъ — чудный, увлекательный народъ. Но ему свойственны извѣстныя своеобразныя психологическія черты, какъ и многимъ другимъ народамъ. И одна изъ такихъ чертъ — манія преслѣдованія, которая изъ хроническаго состоянія переходитъ иногда въ острое, вызывающее какъ бы судороги во всемъ общественномъ организмѣ. Вездѣ видятся тайные враги, предатели, измѣнники. Обладая вмѣстѣ съ тѣмъ надлежащимъ запасомъ тщеславія, французы не могутъ объяснять постигающія ихъ неудачи ничѣмъ инымъ, какъ предательствомъ и измѣною.

Сколько примѣровъ тому мы видѣли во французской исторіи.

Кого не обвиняли въ предательствѣ во время такъ называемой «великой» французской революціи? И Мирабо, и жирондисты, и гербертисты, и дантонисты и, наконецъ, сами якобинцы,—всѣ по очереди обвинялись въ измѣнѣ. И Людовика XVI, и Марію-Антуанету, и «госпожу Елисавету» (сестру короля), и многихъ изъ лучшихъ людей Франціи казнили все за измѣну, за сношеніе съ врагами отечества. Во время террора тюрьмы были переполнены «шпіонами Питта», купленными на «золото Англіи». А что дѣлалось въ 1870—1871 годахъ, а во времена Комуны и при другихъ по-

добныхъ обстоятельствахъ? До сихъ поръ во Франціи слово «измѣнникъ» гипнотизируетъ массы.

Что же удивительнаго, что толпа въ названной странѣ пришла въ ярость, когда узнала, что поймали измѣнника, «нѣмецкаго жида» (Дрейфусъ изъ Эльзаса), и что его хочетъ освободить какой-то «еврейскій синдикатъ», располагающій милліонами? Тутъ произошло возрожденіе чувствъ, вызывавшихся «шпіонами Питта, закупленными «золотомъ Англіи»! А протестъ романиста подлилъ масла въ огонь.

Нисколько не сравнивая Зола съ Вольтеромъ, когда тотъ ратовалъ за Калласа, мы можемъ однако съ нѣкоторою вѣроятностью сказать, что если бы фанатики, казнившіе Калласа, располагали такими газетами, какъ тѣ, которыя теперь позорятъ печатное слово, то они пустили бы въ ходъ слухъ, что Вольтеръ подкупленъ какимъ нибудь «протестанскимъ синдикатомъ».

Но что объяснимо со стороны французской толпы, то не должно бы быть, кажется, допускаемо людьми другихъ странъ, въ особенности такими, которыя причисляютъ себя къ числу мыслящихъ.

Только подъ вліяніемъ маніи преслѣдованія и неимовѣрно раздутаго, самолюбія и тщеславія можно усматривать въ требованіи правосуднаго приговора,

въ заявленіи, что нѣсколько строевыхъ офицеровъ, исполнявшихъ временно обязанности судей и незамѣтившихъ допущенное нарушеніе формъ процесса, могли ошибиться—оскорбленіе патріотическаго чувства и неуваженіе къ чести оружія.

Не слѣдуетъ забывать, что одно строгое и налицепріятное примѣненіе законовъ избавляетъ современныя общества отъ внутреннихъ кризисовъ, подобныхъ тѣмъ, который теперь переживаетъ французское и который, къ сожалѣнію, принимаетъ все болѣе и болѣе бурный характеръ.

III.

Эпилогъ къ процессу Зола *).

Французскій кассаціонный судъ, разсмотрѣвъ жалобу Эмиля Зола на приговоръ сенскаго ассизнаго суда, приговорившаго его за диффамацію членовъ военнаго суда къ тюремному заключенію на одинъ годъ и къ денежному штрафу въ 3000 франковъ (однако безъ лишенія какихъ-либо правъ, избирательныхъ или иныхъ, какъ ошибочно сообщили нѣкоторыя русскія газеты), отмѣнилъ означенный приговоръ и прекратилъ все производство. Остается въ силѣ только, такъ сказать, нравственная сторона осужденія присяжными засѣдателями, если она имѣетъ какое либо значеніе, въ виду условій, при которыхъ производилось дѣло.

Такое постановленіе кассаціоннаго суда состоя-

---

*) «Юрид. Газ.», 25 марта 1898 г. № 24.

лось вслѣдствіе признанія имъ, что преслѣдованіе противъ Зола было начато безъ законнаго повода, а именно вслѣдствіе того, что первоначальную жалобу подалъ военный министръ, а не сами члены военнаго суда, противъ которыхъ направлена была диффамація. И хотя начальникъ извѣстнаго вѣдомства имѣетъ право возбудить дѣло о диффамаціи подчиненныхъ ему лицъ *) и хотя также офицеры, входившіе въ составъ военнаго суда, подчинены военному министру, когда они находятся въ строю, но, въ качествѣ судей, они не могутъ считаться его подчиненными и преслѣдованіе противъ диффаматора со стороны военнаго суда, представляющаго особую коллегію, могло возникнуть только вслѣдствіе собственнаго ея, вполнѣ самостоятельнаго, о томъ опредѣленія, чего въ данномъ случаѣ не было.

Все это—юридическая и силлогистическая тонкость, которая можетъ кой кому показаться даже

*) Въ циркулярѣ французскаго министра юстиціи отъ 29 іюля 1881 г. относительно порядка возбужденія преслѣдованія, по дѣламъ печати сказано, между прочимъ, слѣдующее:

Dans les cas de diffamation ou d'injure envers les fonctionnaires publics ou agents de l'autorité la plainte de la partie lésée pourra être suppléе par celle du ministre dont elle relève (въ случаѣ диффамаціи или оскорбленія, направленныхъ противъ должностныхъ лицъ и представителей власти, жалоба потерпѣвшаго можетъ быть замѣнена жалобою министра, которому онъ подвѣдомственъ).

натяжкою, но эта тонкость дѣйствуетъ какъ то нравственно освѣжительно въ такомъ дѣлѣ, гдѣ, какъ казалось, о юриспруденціи и о логикѣ менѣе всего думалось. Въ сущности приведенное толкованіе съ формальной стороны совершенно правильно, согласно съ прецедентами и вмѣстѣ съ тѣмъ оно спасаетъ честь французской магистратуры, доказывая, что несмотря на безчинства уличной толпы,—высшіе органы судебной власти во Франціи отправляютъ свои высокія обязанности безпристрастно и невозмутимо.

Газеты передаютъ, что Зола получилъ тысячу поздравленій. Но, кажется, что эти поздравленія должны были бы относиться скорѣе всецѣло къ органамъ французской магистратуры.

Процессъ Зола со всѣмъ, что ему предшествовало и съ чѣмъ онъ былъ связанъ, не могъ не повергнуть въ уныніе истинныхъ друзей Франціи. Все дѣло это было однимъ сплошнымъ кассаціоннымъ поводомъ. Трудно было себѣ даже представить, чтобы такія безобразія, какія тутъ происходили, были возможны въ судѣ цивилизованной страны. Не то, чтобы защита была стѣснена. Напротивъ того, ей въ извѣстномъ отношеніи было предоставлено скорѣе слишкомъ много свободы. Допущено было юридически немыслимое

доказываніе пристрастія подвергшихся диффамаціи судей мнимымъ несогласіемъ ихъ приговора съ обстоятельствами рѣшеннаго ими дѣла. Дѣло, по которому приговоръ вступилъ въ законную силу, разсматривалось, такъ сказать, на выворотъ, при чемъ судьи являлись въ роли обвиняемыхъ, а диффаматоры въ роли обвинителя. Не стѣсненіе защиты, говоримъ мы, было худшею стороною этого процесса; но весь порядокъ веденія его представлялъ собою нѣчто невозможное.

Всѣ страсти улицы перенесены были въ зданіе суда. Въ залѣ его происходило не спокойное отправленіе правосудія, а буйный политическій митингъ, разъяренная сходка. Участвующія въ дѣлѣ лица обращались къ присутствующей публикѣ. Свидѣтели, вводя обстоятельства несущественныя для дѣла, но разжигающія умы, произносили рѣчи по адресу присяжныхъ, большинство которыхъ были лавочники. Предсѣдатель суда не принималъ никакихъ мѣръ къ поддержанію порядка, не останавливалъ кого слѣдовало и только нескончаемо препирался съ защитою. Самая тяжесть наказанія, наложеннаго на подсудимыхъ, въ пользу которыхъ нельзя было не признать хотя нѣкоторыхъ смягчающихъ обстоятельствъ, доказы-

ваетъ насколько и судьи были увлечены уличными страстями.

Кассаціонный судъ все это неприличное производство, которымъ ослабляется даже нравственное значеніе обвинительнаго вердикта присяжныхъ засѣдателей,—уничтожилъ. А генеральный прокуроръ, въ заключеніи своемъ выразилъ сожалѣніе, что людей, ратовавшихъ только за справедливость, называли продажными измѣнниками. Кассаціонный судъ, смаравъ все производство отъ начала до конца, не стѣсняясь при этомъ ни политическими, ни дипломатическими, ни стратегическими или иными какими либо соображеніями, постановилъ правильное, согласное съ закономъ рѣшеніе, доказывающее, что для высшихъ судей во Франціи и для лучшихъ юристовъ ея нѣтъ ни семитовъ, ни антисемитовъ, ни синдикатовъ, ни антисиндикатовъ, а существуетъ—долгъ нелицепріятнаго отправленія правосудія.

IV.

Преслѣдованія противъ подполковника Пикара *).

Во Франціи происходитъ нѣчто невѣроятное. Въ то время какъ другіе образованные народы поглощены разработкою важнѣйшихъ задачъ своей національной жизни, животрепещущими вопросами, политическими, финансовыми, коммерческими, колоніальными, международными,—несчастную страну точно разъѣдаетъ страшный внутренній недугъ, и она утопаетъ въ какомъ-то безбрежномъ морѣ внутренняго разлада. Жгучія чувства взаимной ненависти охватили людей одного и того же общества, междоусобныя страсти всплываютъ все сильнѣе наружу, раздаются ожесточенныя обвиненія въ позорныхъ дѣяніяхъ, противъ своихъ же согражданъ, противъ представителей всякой власти. Даже члены высшаго судилища, которые стоятъ,

---

*) «Юридич. Газ.», 21 ноября 1898 г. № 82.

кажется, выше борьбы партій, и тѣ осыпаются потоками брани и издѣвательствъ. Не находится такого авторитета, который стоялъ бы внѣ нареканій, внѣ подозрѣній, который могъ бы вознестись надъ этимъ взбаламученнымъ моремъ всякаго рода страстей...

Ко всему этому необыкновенное, неслыханное пререканіе между гражданскими и военными властями.

Въ то время какъ верховный судъ, судъ общій, гражданскій, приступилъ къ разбору по существу съ широчайшими полномочіями того дѣла, которое волнуетъ такъ долго все общество, когда онъ готовится произнести, наконецъ, торжественно послѣднее по этому дѣлу слово, другая юрисдикція, особенная, исключительная, военная, рветъ къ себѣ часть этого самаго дѣла и спѣшитъ постановить свое рѣшеніе, которое, повидимому, станетъ въ явное противорѣчіе съ выводами, къ которымъ приходитъ высшій гражданскій судъ. Какъ бы предугадываются эти выводы, чтобы заблаговременно, пока еще возможно, поразить ихъ, воспрепятствовать ихъ полному примѣненію.

Дѣло Дрейфуса и дѣло Пикара неразрывно связаны между собою. Если въ дѣлѣ Дрейфуса допущена судебная ошибка—что теперь и изслѣ-

дуется кассаціоннымъ судомъ—то Пикаръ, своими рѣшительными, настойчивыми, самоотверженными дѣйствіями, главнымъ образомъ способствовалъ обнаруженію истины и раскрытію тѣхъ преступленій, которыя дѣйствительно совершались другими лицами.

Почему же такое озлобленіе, такое ожесточеніе противъ него, невольно вызывающее представленіе объ «актѣ мести», какъ о томъ громко заявляется?

Его уволили отъ службы послѣ того, какъ онъ написалъ, что тотъ документъ, на который ссылался въ парламентѣ военный министръ Кавеньякъ, подложенъ, а затѣмъ оказалось, что дѣйствительно то былъ подлогъ. Его сперва заключили въ гражданскую тюрьму, потомъ вырвали почти силою изъ рукъ гражданской власти, заперли въ военную тюрьму, подвергнувъ такому строгому содержанію, такому продолжительному предварительному заключенію, которому могутъ быть подвергаемы лишь тягчайшіе государственные преступники. И при этомъ онъ обвиняется только въ какомъ-то, повидимому, вымышленномъ подлогѣ, потерпѣвшимъ отъ котораго оказывается будто-бы кто же?.. маіоръ Эстергази. Достаточно назвать этого прославившагося на весь міръ маіора,

чтобы понять, насколько было неотложно и справедливо принятіе самыхъ строгихъ мѣръ даже до выясненія дѣла для защиты его «чести».

Если бы у насъ въ Россіи самъ Эстергази, а не одно военное начальство, усердствующее за него предъявило обвиненіе противъ Пикара, такое, какое предъявлено теперь, то нашъ судебный слѣдователь не только не подвергъ бы Пикара продолжительному строжайшему одиночному заключенію съ воспрещеніемъ всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, а едва ли бы отобралъ подписку о невыѣздѣ. И затѣмъ, вѣроятно, нашъ прокуроръ далъ бы заключеніе о прекращеніи дѣла и объ отмѣнѣ этой подписки. А между тѣмъ, что говорится о нашихъ многострадальныхъ судебныхъ слѣдователяхъ, когда они кого либо лишній день продержатъ, иногда по серьезному обвиненію и при такой оцѣнкѣ уликъ, которая чужда всякихъ своекорыстныхъ увлеченій!

Пикару, въ случаѣ признанія его виновнымъ со стороны военнаго суда, угрожаютъ каторжныя работы, такъ какъ этому наказанію подвергаются, по французскимъ военнымъ законамъ, изобличенные въ подлогѣ при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Если Дрейфусъ, благодаря вмѣшательству гра-

жданской юстиціи, выскочитъ, то по крайней мѣрѣ Пикара еще можно раздавить и на немъ сколько нибудь отыграться!

Столбцы французскихъ газетъ наполняются теперь подписями лицъ, протестующихъ противъ торопливаго и, какъ говорятъ, пристрастнаго преданія суду Пикара. Число этихъ подписей огромное, и между ними встрѣчаются имена людей извѣстныхъ и уважаемыхъ въ мірѣ науки и литературы.

Иностранцамъ неумѣстно присоединяться къ такого рода демонстраціямъ, но нельзя не пожелать, чтобы въ дружественной намъ странѣ наступило, наконецъ, успокоеніе умовъ на почвѣ строгой законности и чтобы истинныя начала правосудія, нелицепріятнаго и невозмутимаго, одержали верхъ надъ разгуломъ страстей, подрывающимъ основы государственной жизни.

V.

Къ вопросу о значеніи судебной власти въ государствѣ *).

Существуютъ вопросы давніе, окончательно разрѣшенные, по которымъ, какъ кажется, уже написаны безчисленные томы, въ теченіе многихъ лѣтъ, и вдругъ такой вопросъ воскресаетъ неожиданно; точно тѣнь какая-то появляется онъ на свѣтъ, покрытый пылью библіотекъ, и многимъ представляется, что они видятъ его и слышатъ о немъ въ первый разъ.

Изложенное вспомнилось намъ при чтеніи передовой статьи газеты «Новое Время» (№ 8181), посвященной дѣятельности французскаго кассаціоннаго суда по тому несчастному дѣлу, которое продолжаетъ волновать общественное мнѣніе во Франціи и поддерживать смуту въ этой странѣ.

---

*) «Юрид. Газ.», 10 дек. 1898 г. № 87.

Читая упомянутую статью, мы невольно остановились и спросили себя: да не ошибаемся-ли мы? дѣйствительно-ли это подлинная русская статья; не переводъ-ли это какой-либо статьи изъ парижской прессы, появившейся въ такихъ органахъ, какъ *Intransigeant, Libre Parole, Petit Journal* и т. п., а именно въ газетахъ, о которыхъ, въ виду ихъ пристрастности и наклонности искажать факты и завѣдомо ложно толковать законы, пріятно и не говорить вовсе.

Но нѣтъ, это оказалось, къ сожалѣнію, дѣйствительно подлинная русская статья и, въ виду этого, мы не можемъ оставить ее безъ нѣкоторыхъ замѣчаній, а въ особенности потому, что она затрогиваетъ существенные вопросы юридическаго характера.

Въ статьѣ, о которой рѣчь, проводится мысль о полезности измѣненія французскихъ основныхъ законовъ посредствомъ немедленнаго пересмотра особо созваннымъ учредительнымъ собраніемъ республиканской конституціи 1875 г.

Поводомъ къ этому требованію выставляется — приводимъ подлинныя слова газеты:

«Своеобразная роль, играемая въ настоящее время во Франціи высшею судебною инстанціею, т. е. кассаціоннымъ судомъ, или, вѣрнѣе уголовною палатою этого суда, взявшей на себя «дознаніе» по вопросу о пересмотрѣ процесса Дрейфуса.

Передъ волею этой небольшой группы «представителей верховнаго правосудія» чувствуетъ себя безсильнымъ парламентъ. За ней одной сторонники Дрейфуса признаютъ тѣ «державныя права», которыя въ республиканской Франціи считались доселѣ исключительною принадлежностью народнаго представительства... Она одна пользуется нынѣ полною безотвѣтственностью, дѣлающею ее безапелляціонною рѣшительницею внутренней политики Франціи. Фактически со времени отставки министерства Мелина страною управляетъ полновластно... уголовная палата кассаціоннаго суда».

Хотя бы написавшій приведенныя строки и не былъ профессіональнымъ юристомъ, тѣмъ не менѣе онъ не можетъ не знать, что «державныя права парламента», органа законодательной власти, представляютъ собою нѣчто отличное, по юридическому существу своему, отъ правъ судебной власти, примѣняющей дѣйствующіе законы и тѣмъ ограждающей гражданъ отъ чьего бы то ни было произвола,—что въ цивилизованныхъ странахъ установлено раздѣленіе властей законодательной, административной и судебной, на основаніи теоріи, составляющей азбуку государственнаго права.

Чѣмъ культурнѣе страна, тѣмъ выше стоитъ судебная власть, тѣмъ неоспоримѣе ея права, тѣмъ менѣе допускается исключеній изъ общаго порядка для какихъ бы то ни было дѣлъ и для кого бы то ни было.

Еще Аристотель училъ, что правосудіе или, точнѣе, органъ его—судебная власть составляетъ

самую существеннѣйшую принадлежность государственной власти, столь же существенную, какъ и власть законодательная, и даже болѣе древнюю по проявленіямъ своимъ, чѣмъ послѣдняя. Существовали суды уже тогда, когда не было еще законодателей и правильно организованныхъ исполнительныхъ органовъ. Судьи изъ старѣйшихъ и мудрѣйшихъ среди народа примѣняли божественный законъ или естественное право, руководствуясь совѣстью и обычаемъ, а главы семействъ или масса народа исполняли ихъ рѣшенія.

Подвигаясь все ближе къ современной эпохѣ, мы видимъ постепенное возрастаніе значенія судебной власти и стремленіе отмѣнить все, что стѣсняло бы полную независимость ея.

Во Франціи военные суды, составляющіе исключеніе изъ общаго порядка судоустройства и судопроизводства, тѣмъ не менѣе подлежатъ надзору высшаго органа гражданскаго суда. Это, разумѣется, одна изъ важныхъ гарантій правосудія.

Отмѣна кассаціоннымъ судомъ приговоровъ военныхъ судовъ встрѣчалась во Франціи нерѣдко и до дѣла Дрейфуса. Это дѣло же въ сущности ничто иное, какъ чисто судебное, принявшее размѣръ крупнаго общественнаго скандала только

вслѣдствіе специфическихъ свойствъ французской политической атмосферы.

Если бы тамъ правительство взяло ранѣе вопросъ о пересмотрѣ въ свои руки и твердо исполняло бы свои обязанности, то означенный скандалъ никогда бы такъ не разросся, какъ это случилось теперь, во вредъ спокойствію страны и тому уваженію, которымъ она должна пользоваться со стороны другихъ народовъ.

Но министръ юстиціи бездѣйствовалъ. Военныя власти руководствовались посторонними соображеніями, ничего общаго не имѣющими съ правосудіемъ. Иниціативу къ изобличенію судебной ошибки, неправосудія приняли частныя лица, а затѣмъ началась настоящая всеобщая вакханалія при необузданномъ разгарѣ мгновенно вспыхнувшихъ политическихъ и соціальныхъ страстей.

Во всѣхъ странахъ міра, въ томъ числѣ и въ Россіи, открытіе подложности доказательствъ, на которыхъ основанъ вступившій въ законную силу обвинительный приговоръ, обязываетъ судебную власть къ пересмотру дѣла.

Что Дрейфусъ осужденъ на основаніи подложныхъ доказательствъ и съ нарушеніемъ всѣхъ правъ защиты уже теперь, кажется, внѣ спора.

Изъ группы лицъ, изобличавшей его и пред-

ставлявшей на судѣ доказательства его виновности, двое кончили жизнь самоубійствомъ, при чемъ одинъ изъ нихъ передъ смертью сознался въ подлогахъ, третій бѣжалъ.

При такихъ данныхъ министръ юстиціи любой страны обязанъ былъ бы передать все производство на обсужденіе высшаго органа судебной власти, а во Франціи—кассаціоннаго суда, на основаніи 444 статьи французскаго устава уголовнаго судопроизводства. Затѣмъ, какъ долженъ поступать кассаціонный судъ, изложено въ статьѣ 445 того же устава. Приводимъ подлинный текстъ ея:

«En cas de recevabilité, si l'affaire n'est pas en état, la Cour procédera directement ou par commissions rogatoires à toutes enquêtes sur le fond, confrontations, reconnaissances d'identité et moyens propres à mettre la verité en évidence». (Въ случаѣ если (предложеніе министра юстиціи) подлежитъ принятію и дѣло не вполнѣ разъяснено, судъ (кассаціонный) приступитъ непосредственно или черезъ отдѣльныя коммиссіи ко всякаго рода дознаніямъ по существу, къ очнымъ ставкамъ, къ повѣркамъ подлинности, къ допросамъ и ко всякимъ мѣрамъ, могущимъ служить къ обнаруженію истины).

Въ предѣлахъ именно этой статьи дѣйствуетъ

въ настоящее время французскій кассаціонный судъ, твердо, нелицепріятно, не взирая на происходящій вокругъ него шумъ.

Его нисколько не смущаетъ, повидимому, раздающійся со всѣхъ сторонъ вой всѣхъ этихъ клерикаловъ, антисемитовъ, имперіалистовъ, націоналистовъ, радикаловъ, соціалистовъ и т. п. Каждая партія поетъ пѣснь свою на свой ладъ. А русской газетѣ, если она уважаетъ истину, не слѣдовало-бы присоединять свой голосъ къ подобному концерту.

Но нѣтъ дѣла до всего этого высшему органу правосудія въ государствѣ. Онъ стоитъ, какъ скала незыблемая среди моря разбушевавшихся страстей. И мы надѣемся, что, несмотря на все и на всѣхъ, онъ устоитъ,—и исполнитъ тяжелый долгъ свой до конца, чему мы душевно порадуемся въ виду солидарности принциповъ, связующихъ въ настоящую эпоху цивилизованные народы между собою.

VI.

Французское общество и дѣло Дрейфуса *).

Близится, кажется, часъ когда высшій органъ правосудія во Франціи произнесетъ приговоръ свой по дѣлу, такъ глубоко взволновавшему все французское общество и вызвавшему живѣйшій интересъ во всемъ образованномъ мірѣ. Каковъ будетъ приговоръ по существу, мы не станемъ предугадывать, хотя, повидимому, все клонится къ признанію наличности судебной ошибки.

Одно, къ сожалѣнію, весьма вѣроятно, именно, то, что каковъ-бы ни былъ исходъ производства, которому французскій кассаціонный судъ, превращенный въ верховную слѣдственную камеру, посвящаетъ тщательное вниманіе, но едва ли наступитъ успокоеніе умовъ въ странѣ и едва-ли улягутся разбушевавшіяся общественныя страсти.

Слишкомъ глубоко сидятъ во французскомъ

---

*) «Новости», 4 и 7 дек. 1898, № 334 и 337.

обществѣ тѣ чувства и стремленія, тѣ надежды и опасенія, которыя какъ-бы разомъ хлынули наружу по поводу дѣла Дрейфуса.

Въ сущности, ничего не можетъ быть проще и заурядиѣе этого дѣла.

Совершилось-ли преступленіе, караемое уголовными законами, и если совершилось, то виновно-ли въ немъ лицо, на которое указывало обвиненіе?—Что можетъ быть обыденнѣе такихъ вопросовъ? И для чего существуютъ суды, военные и гражданскіе, какъ не для того, чтобы безстрастно и нелицепріятно разрѣшать ихъ, независимо отъ содержанія обвиненія,—касается-ли оно мелкой кражи, или важнѣйшаго заговора противъ цѣлости государства.

Затѣмъ послѣ рѣшенія вопросовъ по данному дѣлу въ извѣстномъ смыслѣ, возникло важное сомнѣніе, подтвержденное вѣскими доказательствами, въ правильности выводовъ обвинительнаго приговора, вошедшаго въ законную силу.

Такъ какъ человѣческое правосудіе не непогрѣшимо, то во всѣхъ образованныхъ государствахъ существуетъ порядокъ пересмотра окончательныхъ приговоровъ и этотъ порядокъ примѣняется, когда имѣются къ тому основательные поводы, кто-бы и въ чемъ-бы ни былъ обвиненъ.

Во Франціи особенность подобнаго порядка заключается въ томъ, что кассаціонный судъ, представляя собою верховную твердыню правосудія, можетъ самъ приступить съ самыми обширными полномочіями, производя допросы, обыски, экспертизы и проч., къ изслѣдованію дѣла, по которому имѣются вѣскія данныя для признанія, что низшая инстанція осудила невиновнаго, и можетъ самъ признать, по результатамъ, своего изслѣдованія, что наличность преступленія не установлена, слѣдовательно, прекратить дѣло, не возвращая его въ низшій судъ. И, въ виду главенства, по французской государственной теоріи, гражданской власти надъ военною, упомянутый надзоръ гражданскаго кассаціоннаго суда распространяется и на военные суды.

Въ другихъ странахъ, какъ извѣстно, когда высшій, кассаціонный судъ признаетъ наличность судебной ошибки, то онъ возвращаетъ дѣло въ низшій, равный по степени тому, которымъ ошибка была допущена.

Указанная особенность французскаго судопроизводства точно сочинена напередъ, по какому-то предчувствію законодателя, для такихъ дѣлъ, какъ дѣло Дрейфуса. И, дѣйствительно, когда, вслѣдствіе обмановъ и подлоговъ, все перепуталось до крайности, когда правда съ ложью, вымыслы съ

дѣйствительными фактами такъ сплелись на почвѣ страстей, что исхода, кажется, не видать, какъ въ лабиринтѣ, то на кого-же можетъ быть возложена задача обнаруженія истины, какъ не на лучшихъ, опытнѣйшихъ, старѣйшихъ юристовъ занимающихъ самое высокое положеніе въ странѣ, какое только можетъ быть достигнуто судебною службою?

А все таки, повторяемъ, и приговоръ такихъ дѣятелей—дай Богъ, чтобы мы ошиблись—едва-ли успокоитъ умы.

Какая-же тому причина? Какіе-же тутъ дѣйствуютъ «соціологическіе законы», какъ теперь принято выражаться?

Вся причина, кажется, въ томъ, что въ дѣлѣ Дрейфуса самъ Дрейфусъ и все, что съ нимъ тѣсно связано, есть только призракъ, имя, названіе, предлогъ; въ сущности-же, подъ видомъ дѣла Дрейфуса бушуютъ совсѣмъ иныя страсти, иные инстинкты; продолжается та борьба, что длится втеченіи вѣковъ, прошедшаго съ будущимъ, отживающихъ общественныхъ формъ съ наступающими и, какъ при всякой борьбѣ, рядомъ съ отвлеченными, идеальными стремленіями, проявляются личныя, алчныя и всякія другія грубыя человѣческія побужденія. Общество, взбаламученное сильными вѣяніями конца прошлаго столѣтія, и до настоя-

щаго времени продолжаетъ волноваться. Не можетъ оно найти точки опоры, не приходитъ оно къ равновѣсію. И не представляетъ-ли подобное явленіе нѣчто неразрывно связанное съ, такъ называемыми, законами эволюціи человѣческихъ обществъ?

Что касается вопроса о пересмотрѣ дѣла Дрейфуса, то опять ничего не можетъ быть проще.

Теперь ясно, что Дрейфусъ былъ осужденъ на основаніи документовъ, подложность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Единственное доказательство, предъявленное противъ него въ засѣданіи военнаго суда, было столь извѣстное «бордеро» (препроводительная записка). Уже во время процесса двое изъ экспертовъ утверждали, что «бордеро» писано не Дрейфусомъ, а въ настоящую минуту этотъ фактъ внѣ спора. Далѣе, тотъ секретный документъ, который военный министръ показалъ втайнѣ судьямъ въ совѣщательной комнатѣ съ нарушеніемъ основъ судопроизводства, лишивъ защиту всѣхъ правъ ея,—также оказался подложнымъ, несмотря на то, что и другой военный министръ ссылался на тотъ-же документъ въ парламентѣ, какъ на несомнѣннѣйшее доказательство виновности обвиняемаго. Словомъ, кругомъ, одни подлоги. И вмѣсто суда въ результатѣ вышла административная ссылка по убѣжденію начальства, введеннаго съ своей стороны

въ заблужденіе,—ссылка въ отдаленный край, въ убійственный климатъ, въ вѣчное заточеніе.

Итакъ, само начальство было обмануто и отчасти клялось искренно, высказывая свое убѣжденіе въ виновности осужденнаго, отчасти, быть можетъ, сознательно укрывало обнаруженныя безпорядки, спасая «честь вѣдомства». Въ государствахъ, обладающихъ мощною бюрократіею, не трудно понять, на что можно рѣшиться, когда спасаешь достоинство и доброе имя своего «вѣдомства», въ особенности, когда защищаешь его не только отъ посягательства прочихъ «вѣдомствъ», но и отъ журналистовъ, отъ недовольныхъ, отъ представителей «интеллигенціи».

Какъ смѣетъ «интеллигенція» разсуждать о дѣйствіяхъ «вѣдомства»? Что такое эта «интеллигенція» въ сравненіи съ «вѣдомствомъ» и его освященными нравами и давностью правами, да еще съ такимъ вѣдомствомъ, которое призвано защищать отечество отъ внѣшнихъ враговъ?

Къ этому нужно присоединить наивность французовъ, чтобы не сказать болѣе, по отношенію ко всему, что касается прочихъ странъ.

Почему французскому начальнику, не имѣющему никакого понятія объ иностранныхъ языкахъ и порядкахъ, было не повѣрить, что самъ Импе-

раторъ Вильгельмъ II писалъ милѣйшія собственноручныя письма французскому капитану Дрейфусу и приглашалъ его отъ имени своего и своей августѣйшей супруги на тарелку супа въ Потсдамъ?

Подобному начальнику все это могло показаться вполнѣ естественнымъ, въ порядкѣ вещей. И такія басни были сочинены и облечены въ форму ультрасекретнѣйшаго «досье», а по нашему—«дѣла», шайкою измѣнниковъ, которые дѣйствительно втеченіи продолжительнаго времени продавали за деньги то, что считалось служебными тайнами, касающимися національной обороны.

Когда начальство раскрыло глаза и стало, наконецъ, замѣчать продѣлки шайки, то она, дабы не быть изловленною, вынуждена была найти какой-нибудь выходъ и съ своей стороны—ея-же члены находились при развѣдочной части—обнаружить виновнаго. Результатъ ея розысковъ не заставилъ себя долго ждать. Виновнымъ, по ея указаніямъ, оказалось лицо, отчасти подходящее для инсинуацій. То былъ капитанъ артиллеріи, временно прикомандированный къ генеральному штабу, Альфредъ Дрейфусъ, не пользовавшійся симпатіями сослуживцевъ, державшійся въ сторонѣ отъ нихъ, крайне самолюбивый, раздражительный, рѣзкій въ обхожденіи, проявлявшій кстати и не кстати крайній

французскій шовинизмъ, чтобы, какъ казалось, скрыть свое нѣмецко-еврейское происхожденіе.

Альфредъ Дрейфусъ былъ выходцемъ изъ Эльзаса, сохранившимъ французскую національность послѣ присоединенія этой области къ Германіи. Дѣдъ его переселился изъ баденскаго герцогства въ Эльзасъ, гдѣ нѣкоторые изъ его родственниковъ остались въ нѣмецкомъ подданствѣ послѣ 1871 г. И по французски Дрейфусъ говоритъ, кажется, не съ чисто-парижскимъ акцентомъ, скорѣе съ такимъ, который напоминаетъ край и племя, изъ которыхъ онъ произошелъ.

Во французскомъ генеральномъ штабѣ служатъ преимущественно члены дворянскихъ семей, по крайней мѣрѣ,—тѣ изъ нихъ, которые въ состояніи одолѣть военныя науки. Многіе изъ этихъ дворянъ прошли курсъ въ школѣ, содержимой духовными лицами, которая помѣщается въ Парижѣ въ rue des Postes и подготовляетъ молодыхъ людей къ высшему военному образованію. Воспитанники ея поступаютъ впослѣдствіи въ Ecole de St. Cyr и въ Ecole Polytechnique и, связанные между собою товарищескими чувствами, какъ-бы наперед намѣчены для высшихъ военныхъ должностей. Ихъ отличаютъ названіемъ «les postards», какъ у насъ говорятъ о «правовѣдахъ», «лицеистахъ» и т. п. Въ по-

добной средѣ Альфредъ Дрейфусъ былъ совершенно не свой и упомянутой выше шайкѣ оказалось очень удобнымъ избрать его своею жертвою.

Что потомъ случилось до процесса Зола и послѣдующихъ событій включительно — общеизвѣстно.

Но, кажется, недостаточно обращено вниманія на то, что какъ только въ Парижѣ распространился слухъ, что прикомандированный къ генеральному штабу офицеръ нѣмецко-еврейскаго происхожденія обвиняется въ государственной измѣнѣ, этотъ мотивъ тотчасъ-же былъ подхваченъ той частью парижской печати, которая ради корыстныхъ цѣлей своихъ, чтобы имѣть возможно бо́льшее число читателей среди полуграмотной толпы, раздуваетъ ея страсти, прикрываясь мнимыми патріотическими чувствами, любовью къ униженнымъ и оскорбленнымъ, привязанностью къ демократическимъ учрежденіямъ и т. п. Гаже, отвратительнѣе и безсовѣстнѣе этой печати нельзя себѣ ничего представить. Это самая низкая ступень, до которой можетъ дойти печатное слово въ демократическомъ обществѣ. Площадная брань, клевета, издѣвательство надъ учрежденіями страны, надъ общественными дѣятелями, выискиваніе и даже измышленіе разныхъ позорящихъ фактовъ изъ частной жизни ихъ, на-

уськиваніе неимущихъ противъ достаточныхъ классовъ, разжиганіе низменнѣйшихъ страстей толпы, систематическое возбужденіе ея противъ власти, противъ всего, чѣмъ-либо надъ нею возвышающагося, непрерывныя увѣренія по адресу той-же толпы, что ее обкрадываютъ, грабятъ, предаютъ врагамъ, — все это ежедневно появляется въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ и раскупается нарасхватъ. Можно себѣ представить, какое воздѣйстіе такая печать производитъ на средніе и низшіе классы общества, предразсудками и наивностью которыхъ она пользуется, чтобы собирать съ нихъ болѣе обильную дань и набивать карманы. Нужно при этомъ знать французовъ, ихъ необыкновенную возбудимость, то что нѣмцы называютъ Erregbarkeit. Они обладаютъ, вообще, сангвиническо-нервнымъ темпераментомъ, возвышенною импульсивностью, при слабости задерживающихъ центровъ. Чтеніе такихъ газетъ, какъ тѣ, о которыхъ рѣчь была выше, производитъ на французское общество и преимущественно на парижское населеніе такое-же впечатлѣніе, какъ сильные пріемы возбуждающихъ средствъ на человѣка и безъ того страдающаго болѣзненною раздражительностью нервной системы.

Вліянію этой печати, въ связи съ дѣятельностью клерикально-буланжистскихъ агитаторовъ, слѣдуетъ

главнымъ образомъ, приписать неестественные размѣры, которые приняло дѣло Дрейфуса, ставшее ареной для борьбы политическихъ партій между собою.

Противъ упомянутыхъ изданій выступила другая часть печати, лучшая, болѣе серьезная, представляющая воззрѣнія и чувства интеллигентнѣйшихъ классовъ. Однако, и этимъ органамъ парижской прессы, а особенно союзникамъ ея изъ радикальнаго лагеря, не были чужды горячность, страстность, увлеченія, рѣзкость выраженій,—словомъ, тѣ черты національнаго темперамента, которыя побуждаютъ французовъ брезгать спокойною, настойчивою, медленною, но законною защитою правъ своихъ, что встрѣчается у людей англо-саксонской расы, а побуждаютъ ихъ избирать нелегальные пути для достиженія желанныхъ политическихъ цѣлей.

Газетные дѣятели, точно капельмейстеры, заиграли знакомые мотивы, каждый передъ своею публикою, эти мотивы нашли откликъ въ сокровеннѣйшихъ чувствахъ слушателей и—заволновалась вся Франція, какъ море, взбаламученное сильною бурей...

Съ перваго-же дня, когда сдѣлалось извѣстнымъ въ Парижѣ, что офицеръ іудейско-нѣмецкаго происхожденія, прикомандированный къ генеральному

штабу, арестованъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, тотчасъ-же разные агитаторы изъ числа газетныхъ публицистовъ выставили два принципа, во имя которыхъ они повели ожесточеннѣйшую кампанію: именно, *антисемитизмъ* и *патріотизмъ*.

Что именно слѣдуетъ разумѣть подъ этими терминами въ современной Франціи, требуетъ нѣкотораго поясненія.

Евреи обязаны прежде всего Франціи своею эмансипаціею. Она первая поставила ихъ въ равноправное съ прочими гражданами положеніе. Въ концѣ прошлаго столѣтія всѣ преслѣдованія и притѣсненія, которымъ евреи подвергались въ средніе вѣка и при послѣднихъ короляхъ, до Людовика XVI включительно, прекратились послѣ того, какъ декретъ національнаго собранія отъ 27-го сентября 1791 г. распространилъ на нихъ начало свободы религіозныхъ убѣжденій и провозгласилъ, что принадлежность къ тому или другому вѣроисповѣданію не можетъ служить основаніемъ къ лишенію кого-либо какихъ-либо правъ и къ стѣсненіямъ личной свободы. Евреевъ стали называть израильтянами. При Наполеонѣ I, который не любилъ іудейскаго племени, евреямъ стало нѣсколько жутко, но конституціи 1814 и 1830 годовъ подтвердили

равноправность ихъ, а законъ 1831 г. поставилъ іудейское духовенство въ одинаковое положеніе къ государственной власти съ римско-католическимъ и протестантскимъ.

Послѣ этого отношенія христіанъ къ евреямъ стали самыми благодушными: равноправность гражданская и терпимость перешли въ нравы. О проповѣдяхъ духовныхъ и свѣтскихъ властей противъ евреевъ не было помину. При Наполеонѣ III кардиналъ-архіепископъ бордосскій, напримѣръ, состоялъ въ особенно дружескихъ отношеніяхъ съ великимъ раввиномъ. Значительное число французскихъ аристократическихъ семействъ, потомки крестоносцевъ, соединились узами брака съ еврейскими семьями. Такъ, три дѣвицы Ротшильдъ вышли замужъ за князей де-Линьи, де-Ваграмъ, за герцога де-Грамонъ; три дѣвицы Кагенъ изъ Антверпена — за князя де-Люцинжъ, маркиза де-Тальи, графа де-Форсерваль; четыре дѣвицы Опенгеймъ — за маркизовъ де-Планси и Сенъ-Жанъ, виконта де-Кѣленъ, барона де-Бай; и очень много другихъ подобныхъ браковъ. Разумѣется, что тутъ приданое невѣстъ и деньги, вообще, играли первую роль, — тѣмъ не менѣе, такіе союзы были-бы невозможны, если-бы общество питало отвращеніе къ евреямъ.

Современный антисемитизмъ существенно отличается отъ средневѣковаго и отъ того, который проявляется теперь въ восточной части Европы. Это чувство новѣйшей формаціи, признаки котораго не усматривались лѣтъ двадцать тому назадъ.

Приведемъ главныя причины его зарожденія. Первая, это несомнѣнно—такъ называемая *лаисизація* (laïcisation) Франціи. Этимъ именемъ обозначается рядъ мѣръ, направленныхъ противъ вліянія духовенства и имѣющихъ конечною цѣлью предоставить полное господство въ странѣ свѣтскому элементу.

Республиканцы поставили себѣ, повидимому, девизомъ извѣстное изреченіе Гамбетты: «клерикализмъ—вотъ врагъ». Жюль Ферри, будучи министромъ, внесъ проектъ закона, 7-я статья котораго (знаменитая 7-я статья, заставившая такъ много о себѣ говорить) безусловно воспрещала членамъ не утвержденныхъ правительствомъ конгрегацій (non autorisées), а именно, іезуитамъ, доминиканцамъ, капуцинамъ, францисканцамъ и др. обучать юношество. Эта статья проекта была отвергнута большинствомъ палаты депутатовъ. Тогда правительство, ссылаясь на законы, изданные при Людовикѣ XIV, воспретило членамъ означенныхъ мона-

шескихъ орденовъ пользоваться общежитіями. Въ одно прекрасное іюльское утро 1880 года полицейскіе агенты стали, къ ужасу многихъ, взламывать входныя двери монастырей и выселять монаховъ, что, однако, не помѣшало послѣднимъ благополучно возвратиться впослѣдствіи въ свои обители.

Въ госпиталяхъ монахинь, самоотверженно исполнявшихъ обязанности свои, замѣнили свѣтскими особами. Въ университетахъ закрыли теологическо-католическіе факультеты. Окончившихъ курсы въ семинаріяхъ и посвящающихъ себя духовному сану обязали отбывать воинскую повинность при восклицаніи: «священниковъ подъ ранецъ!» («les curès—sac au dos!). Въ низшихъ школахъ, содержимыхъ правительствомъ, преподаваніе закона Божія было отмѣнено, Распятія вынесены. Свѣтскимъ преподавателямъ, которыми замѣнили духовныхъ лицъ, завѣдывавшихъ до того значительнымъ числомъ школъ, было воспрещено обучать дѣтей катехизису или водить ихъ въ церковь. Священнику не дозволялось переступать порогъ казенной школы.

Всѣ эти мѣры вызвали отпоръ, превратившійся въ открытую борьбу. Католики не допустили до закрытія своихъ школъ и стали содержать ихъ на собственныя средства. Почти каждое село раздѣлилось и до сихъ поръ дѣлится на два

враждебные лагеря. Меньшинство посылаетъ дѣтей въ правительственныя школы (écoles communales), большинство — въ вольныя школы (écoles libres), содержимыя католиками и руководимыя духовенствомъ. Имущіе люди, поддерживающіе своими средствами вольныя школы, требуютъ, чтобы всѣ, кто у нихъ служитъ и отъ нихъ зависитъ, непремѣнно посылали дѣтей своихъ въ вольныя школы.

Хотя во Франціи истинно вѣрующіе составляютъ, кажется, меньшинство; хотя тамъ въ церковь, даже въ деревняхъ, за исключеніемъ захолустій въ Бретани и Вандеѣ ходятъ почти только однѣ женщины, тѣмъ не менѣе, правительственныя мѣры вродѣ указанныхъ выше вызвали сильное раздраженіе въ странѣ. Духовенство и монашество составляютъ тѣсно сплоченную касту, имѣющую значительное число сторонниковъ. Достаточные классы французскаго общества, каково-бы ни было существо ихъ вѣрованій, смотрятъ на официально исповѣдываемую ими религію, какъ на средство борьбы противъ революціи и соціализма, какъ на оплотъ существующаго порядка, при которомъ имъ хорошо живется. Земля для богатыхъ, небо для бѣдныхъ—вотъ ихъ девизъ.

Нечего говорить, какое озлобленіе и желаніе

мести мѣры лаисизаціи вызвали среди самого духовенства. Уже задолго передъ этимъ папы Пій IX и Левъ XIII громили франмасоновъ, какъ враговъ церкви, но, при указанныхъ обстоятельствахъ, нашлись писатели, которые взялись объяснить обществу, кто именно эти франмасоны, сорвать съ нихъ маски. Публицистъ Дрюмонъ, предводитель антисемитовъ, издатель газеты «Libre Parole», и духовные публицисты, отцы ордена Успенія (Les pères de l'Assomption) основавшіе около 15-ти лѣтъ тому назадъ сильно распространенную газетку «La Croix», защищающую принципы клерикализма въ самой ихъ примитивной, суевѣрной, исполненной нетерпимости формѣ,—поспѣшили представить обществу самое простое, до осязательности доступное каждому объясненіе: эти франмасоны, эти враги христіанства, эти гонители церкви—никто другой какъ евреи. Что могло быть проще? Толпа плохо понимаетъ отвлеченный принципъ, если онъ не олицетворенъ въ отдѣльномъ человѣкѣ или въ группѣ живыхъ людей.

Несомнѣнно, что политическіе дѣятели изъ евреевъ подавали голоса за мѣры лаисизаціи, подобно тому, какъ они всегда находились на сторонѣ оппортунистскаго большинства. Но они вовсе не были ни иниціаторами, ни главными руко-

водителями движенія, которое, однако-же, было имъ всецѣло приписано.

Вторая причина развитія антисемитизма—многочисленные финансовые крахи. Ихъ произошло не мало за послѣдніе годы во Франціи. Банкъ Union générale, въ которомъ биржевые игроки изъ католиковъ преимущественно помѣщали свои капиталы, обрушился подъ вліяніемъ бѣшеной спекуляціи. Разумѣется, общій голосъ—по камертону, заданному антисемитами,—обвинялъ евреевъ, какъ господствующихъ на денежномъ рынкѣ. Затѣмъ послѣдовали крушенія банковъ Comptoir d'escompte, Depôts et comptes courants и другихъ. Дрюмонъ, въ многочисленныхъ брошюрахъ своихъ, жадно раскупаемыхъ, мѣтко изобличая плутни, повлекшія за собой банковыя и акціонерныя катастрофы, въ то-же время всю отвѣтственность сваливалъ на евреевъ. Но что особенно повредило евреямъ, это—дѣло Панамы. Акціонерами названнаго несчастнаго предъпріятія были мелкіе люди: крестьяне, лавочники, привратники, кухарки, гарсоны въ кофейняхъ и т. п. Всѣ они помѣстили въ панамскія акціи сбереженія свои, трудовыя деньги, и они всѣ были обворованы. Видными участниками этого предпріятія оказались три еврея: Корнеліусъ Герцъ, Рейнахъ и Артонъ, имена которыхъ постоянно повторялись. Это-

го было достаточно для заключенія, въ особенности со стороны маленькихъ, но очень многочисленныхъ людей, подъ вліяніемъ газетныхъ наскиваній, что евреи изъ корыстныхъ цѣлей погубили дѣло. Они были обозваны всенародно искусителями, совратителями совѣсти политическихъ дѣятелей, разорителями бѣднаго народа, піявками, кровопійцами и т. д. Въ банковыхъ и акціонерныхъ мошенничествахъ послѣднихъ лѣтъ евреи не были, въ сущности, болѣе виновны, чѣмъ христіане, но такъ какъ въ каждомъ подобномъ дѣлѣ всегда, естественно, попадалось еврейское имя, потому что денежныя дѣла—элементъ евреевъ, въ виду исключительнаго положенія ихъ среди европейской цивилизаціи,—то на этого еврея, попавшагося въ плутняхъ, вмѣстѣ съ десяткомъ лицъ, официально зачисленныхъ христіанами, сваливались весь срамъ и вся отвѣтственность. Такимъ образомъ, какъ въ дѣлѣ лаисизаціи, такъ и въ отношеніи къ финансовымъ крахамъ, евреи явились козлами отпущенія.

Наконецъ, третья причина, порождающая антисемитизмъ, это зависть, которую возбуждаютъ евреи своимъ богатствомъ и вліятельнымъ положеніемъ, занимаемыхъ ими въ обществѣ. Во Франціи (не исключая Алжира, о которомъ рѣчь будетъ ниже) насчитывается всего 60—80 тысячъ

евреевъ. Между тѣмъ, число евреевъ, встрѣчающихся въ парламентѣ, въ администраціи, въ войскѣ и, между прочимъ, среди артиллеристовъ и инженеровъ, велико сравнительно съ приведенными выше цифрами. Поступая на военную службу, евреи стремятся къ чинамъ, отличіямъ и получаютъ ихъ, вслѣдствіе своихъ дарованій и выдержки. Изъ всего этого выводится заключеніе, особенно подъ вліяніемъ рѣчей антисемитовъ, что евреи представляютъ какую-то особенную породу людей, столь-же опасную по своимъ качествамъ, какъ и по своимъ недостаткамъ. И въ особенности ихъ укоряютъ за богатство. Ненавидятъ Ротшильда за то, что онъ богатъ, слишкомъ богатъ. Проповѣдники антисемитизма даже увеличиваютъ и безъ того почтенныя цифры милліоновъ, находящихся въ сундукахъ евреевъ. Они кричатъ, что евреи владычествуютъ надъ Франціею, что настоящій король Франціи, смѣнившій всѣ царствовавшія въ этой странѣ династіи, баронъ Альфонсъ Ротшильдъ. Ненависть, испытываемая со стороны бѣдняковъ по отношенію къ богатому, приняла форму ненависти къ еврею, котораго выставляютъ какъ богатаго надъ богатыми. Французскій рабочій не повѣрилъ-бы, что существуютъ бѣдные евреи. Для него еврей—это

Ротшильдъ. Въ Парижѣ проживаетъ нѣкоторое число бѣдныхъ, преданныхъ своей вѣрѣ и обычаямъ евреевъ, въ отдаленной части города, именуемой «болотомъ» (le Marais). Но о существованіи ихъ мало кто знаетъ.

Въ Алжирѣ антисемитизмъ имѣетъ болѣе глубокіе корни, болѣе серьезныя основанія, чѣмъ на материкѣ Франціи. Временное правительство 1870 г., по иниціативѣ бывшаго министра юстиціи еврея Кремье, предоставило евреямъ-уроженцамъ Алжира всѣ гражданскія права, отказавъ въ этой льготѣ мусульманамъ, составляющимъ коренное населеніе. Отсюда возстаніе мусульманскаго населенія 1871 года и кровавое усмиреніе его.

Къ дѣлу Дрейфуса многіе богатые евреи никакого участія не обнаружили. Они не только не помогли семейству Дрейфуса, но и проклинали его самаго, какъ помѣшавшаго благополучному ходу дѣлъ, какъ возбудившаго противъ нихъ толпу. Они громко заявили о своемъ «патріотизмѣ», о восторгахъ, вселяемыхъ въ нихъ видомъ военнаго мундира. Они только и думали, какъ-бы не испортить своихъ отношеній къ военнымъ, а вовсе не о возстановленіи чести невинно-осужденнаго. Вліятельныя газеты, въ редакціяхъ которыхъ имѣются евреи, «Gaulois», «Le Soir»,

«Echo de Paris», были главнѣйшими противниками Дрейфуса, а послѣдняя даже официознымъ органомъ генеральнаго штаба.

Ничего не можетъ быть нелѣпѣе басни о многомилліонномъ еврейскомъ синдикатѣ, о «синдикатѣ измѣны», возникшемъ, будто-бы, съ цѣлью освобожденія Дрейфуса и наведенія прусскихъ улановъ въ Парижъ.

Предоставленное собственнымъ средствамъ, семейство Дрейфуса предприняло рядъ дѣйствій для возстановленія его чести приблизительно три года тому назадъ. Сперва единственнымъ его дѣятельнымъ союзникомъ былъ анархистъ Бернаръ Лазаръ, даровитый публицистъ, побывавшій у всѣхъ графологовъ Европы, чтобы заручится ихъ содѣйствіемъ для изобличенія подлоговъ, жертвою которыхъ сдѣлался Дрейфусъ.

Говорятъ, что семейство Дрейфуса издержало около 600,000 франковъ на агитацію въ пользу его. Разъѣзды Бернара Лазара, изданіе брошюръ, основаніе газеты «Les droits de l'homme» стоило много денегъ. Но затѣмъ число добровольныхъ, безкорыстныхъ союзниковъ росло само собою. Явился сенаторъ Шёреръ-Кестнеръ, явились друзья изъ Мюльгаузена и другихъ мѣстностей Эльзаса, явилась цѣлая группа добровольцевъ, и аги-

тація мало по малу, переставъ быть дѣломъ одного семейства, превратилась само собою въ большое общественное дѣло. Неловкость, нетвердость первыхъ шаговъ сторонниковъ Дрейфуса уже сами по себѣ доказываютъ отсутствіе плана, уговора, согласія между ними. Члены этого «синдиката измѣны», литераторы, ученые, публицисты, высшія должностныя лица, не побоявшіеся никакихъ нареканій для раскрытія того, что они считали истиною, перезнакомились лично между собой, по крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ, въ свидѣтельскихъ комнатахъ во время процесса Зола, который своимъ рѣзкимъ выступленіемъ, бывшимъ дѣломъ его личнаго темперамента, подлилъ такъ. много масла въ огонь.

До появленія Золя на сцену въ качествѣ обвинителя обвинителей Дрейфуса, даже такой распространенный органъ парижской печати, какъ газета «*Фигаро*», считала возможнымъ стоять на сторонѣ осужденнаго.

Роль «*Фигаро*», въ этомъ дѣлѣ требуетъ нѣкоторыхъ разъясненій, такъ какъ въ умѣ многихъ возникалъ вопросъ, не былъ-ли «Фигаро» подкупленъ «синдикатомъ измѣны»?

Означенная газета представляетъ акціонерное предпріятіе, которое оцѣнивается во много мил-

ліоновъ и имѣетъ правленіе, слѣдящее за денежными интересами предпріятія и за политическимъ направленіемъ газеты, насколько отъ этого могутъ выиграть или пострадать интересы акціонеровъ. Такъ, напримѣръ, во время буланжизма редакція стояла вся противъ этого покушенія на учрежденія Франціи, но правленіе заставило редакторовъ поддерживать заговорщиковъ, такъ какъ это казалось карманно-выгоднымъ. Во главѣ редакціи стояли, когда возникло обвиненіе противъ Эстергази: Маньяръ, главный редакторъ, Перивье, секретарь редакціи, Роде (Rodays) главный администраторъ. Эти три лица получаютъ (или получали, такъ какъ Маньяръ съ тѣхъ поръ умеръ) безъ особенныхъ трудовъ до 100,000 фр. каждый. Постоянныхъ сотрудниковъ насчитывается 10 съ содержаніемъ 30,000 фр., но зарабатывающихъ, кромѣ того, крупныя суммы другими литературными работами. Всю эту компанію довольно трудно подкупить, но если бы это оказалось возможнымъ, то никакія махинаціи не укрылись-бы отъ зоркаго глаза правленія предпріятія. Сперва оглашеніе неожиданныхъ разоблаченій въ интересахъ Дрейфуса представилось редакціи газеты съ точки зрѣнія репортерской великолѣпнымъ дѣломъ. Уличная продажа под-

нялась необыкновенно. Печатаніе факсимиле «бордеро», частныхъ писемъ Эстергази, изобличающихъ его въ измѣнѣ, и всякихъ сенсаціонныхъ извѣстій, касающихся «дѣла», вызвали небывалый спросъ на отдѣльные нумера газеты. Да не только «*Фигаро*», но любое парижское изданіе дорого заплатило-бы за такой матеріалъ. «*Фигаро*»-же былъ избранъ семействомъ Дрейфуса, какъ самая громкая трибуна во всей Франціи. Въ ту минуту еще не выработался въ странѣ опредѣленный взглядъ на «дѣло», а различныя политическія партіи не стали къ нему въ опредѣленныя позиціи... Но вдругъ произошелъ рѣзкій переворотъ. Сигналъ былъ поданъ. Реакціонныя, клерикальная и прежняя буланжистская, партіи, всѣ недовольные существующими учрежденіями и стремящіеся къ перевороту, чтобы въ мутной водѣ поудить рыбу,— уразумѣли, какъ бы по наитію, что дѣло Дрейфуса—чудное для нихъ дѣло. Оно представляло возможность реакціонерамъ и клерикаламъ стать въ позу защитниковъ отечества, арміи, національной чести и указывать на республиканцевъ, какъ на людей, проданныхъ евреямъ, нѣмцамъ, какъ на измѣнниковъ, враговъ родины и т. п.

Извѣстная часть печати сильно подхватила ноту *патріотизма*.

Описанный маневръ тотчасъ отразился на положеніи «*Фигаро*». Газета стала получать безчисленное множество исполненныхъ негодованія писемъ отъ своихъ постоянныхъ подписчиковъ, которые объявляли редакціи, что болѣе газету читать не станутъ, которые возвращали присланные нумера и т. д. Большинство подписчиковъ «*Фигаро*»—люди съ положеніемъ, съ которыми шутить не приходилось. Немыслимо было жертвовать постояннымъ подписчикомъ, серьезнымъ кліентомъ, богатымъ знатнымъ читателемъ ради какой-то случайно возросшей уличной продажи. На «*Фигаро*» посыпались упреки и со стороны богатаго еврейства, полагающаго, что армія лучшая опора противъ соціолизма.

Редакція газеты поспѣшила огласить свое торжественное покаяніе и не особенно почетное отступленіе. Главный въ ту минуту редакторъ Роде, напуганный къ тому-же револьверомъ Эстергази, заявилъ, что онъ передаетъ временно завѣдываніе редакціей слѣдующему за нимъ по рангу лицу и выѣхалъ изъ Парижа *).

*) Впослѣдствіи газета «Фигаро» опять перешла на сторону Дрейфуса и оказала огромную услугу истинѣ, огласивъ во всеобщее свѣдѣніе протоколы производства кассаціоннаго суда, которыми совершенно разъяснилось все дѣло. Военные судьи въ Реннѣ, получившіе эти протоколы для свѣдѣнія, не пожелали даже на нихъ взглянуть.

Далѣе подходили выборы въ палату депутатовъ, назначенные на 8-ое мая 1898 года. Дѣло Дрейфуса оказывалось для реакціонеровъ, клерикаловъ, буланжистовъ—кладомъ, находкою, необыкновенною электоральною платформою, съ высоты которой имъ открывалась перспектива захвата власти.

Съ другой стороны радикалы-оппортунисты струсили. Озадаченные успѣхомъ легенды о «синдикатѣ измѣны», боясь не быть избранными, не попасть вновь въ палату, они стали громко кричать, что не принадлежатъ къ «синдикату» и что для Дрейфуса всего здоровѣе оставаться на Чертовомъ островѣ.

Патріотическая нота казалась особенно умѣстной при данныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ во Франціи всѣ евреи, имена которыхъ пользуются извѣстностью, происхожденія нѣмецкаго. О евреяхъ-португальцахъ мало кто слыхалъ. Изъ этого вытекаетъ то, что представленіе о евреѣ сливается съ представленіемъ о нѣмцѣ, и его считаютъ измѣнникомъ, потому что онъ нѣмецъ. Народъ легко повѣрилъ, что кампанія, предпринятая въ пользу Дрейфуса,—агитація исходящая изъ нѣмецкаго лагеря, оплаченная «нѣмецкимъ золотомъ»; что «дрейфусары» составили заговоръ съ цѣлью преданія Франціи въ руки Германіи.

Къ числу характерныхъ психологическихъ чертъ, отличающихъ французовъ, относится манія преслѣдованія. Они все думаютъ, что имъ измѣняютъ, что ихъ продаютъ, что противъ нихъ устраиваются заговоры. Кого только не обвиняли въ государственной измѣнѣ во Франціи хотя-бы втечсніи послѣднихъ столѣтій? И Мирабо, и Людовикъ XVI съ семействомъ, и Дантонъ, и Робеспьеръ. и печальной памяти Базенъ, и прочіе? Все одно и то-же обвиненіе—въ государственной измѣнѣ, въ сношеніи съ внѣшними врагами. Французы, вслѣдствіе присущихъ имъ самодовольства и тщеславія, не могутъ объяснять постигающія ихъ неудачъ ничѣмъ инымъ, кромѣ измѣны.

Послѣ 1870—1871 годовъ патріотизмъ французовъ принялъ форму ненависти къ нѣмцамъ. Несмотря на то, что пораженія, понесенныя французами въ эту эпоху, были вполнѣ заслуженнымъ послѣдствіемъ постыднаго правленія Наполеона III и того легкомыслія, съ которымъ французы начали войну, тѣмъ не менѣе, они до сихъ поръ не могутъ примириться съ неизбѣжными, роковыми послѣдствіями своихъ заблужденій и тяжелыхъ ошибокъ. Жажда «реванша», невозможно безмысленнаго, могущаго повлечь за собою еще болѣе ужасныя послѣдствія, еще болѣе тяжелый и назидательный

урокъ, все безпокоитъ ихъ, хотя, къ счастью, совершенно платонически, такъ какъ они не двигаютъ пальцемъ, чтобы предпринять его. Союзъ съ Россіей чрезвычайно раздражилъ ихъ самолюбіе и воскресилъ вполнѣ неосуществимыя надежды. Но нужно, конечно, признать, что къ разнымъ специфическимъ ощущеніямъ, проистекающимъ изъ психологическихъ особенностей французскаго народа, присоединяются и болѣе солидныя, свойственныя всему человѣчеству чувства, между прочимъ, симпатія къ пострадавшимъ не по своей винѣ.

Когда Эльзасъ и Лотарингія были присоединены къ Германіи, то около одной пятой или даже четвертой части населенія переселилось во Францію, бросивъ имущества, дѣла, распродавъ за грошъ кто чѣмъ владѣлъ, чтобы не подпасть подъ «иго пруссака». Между ними были и рабочіе, и мелкіе чиновники, и торговцы, разселившіеся въ разныхъ частяхъ Франціи. Весь этотъ людъ проповѣдывалъ вражду къ завоевателямъ, взывалъ къ мести. А съ другой стороны Бисмаркъ своими брутальными, вполнѣ обдуманными выходками всѣми мѣрами раздражалъ французовъ, старался вызвать ихъ на какой-либо опрометчивый поступокъ съ намѣреніемъ возобновить войну и дѣло раззоренія Франціи довести до конца.

Такимъ настроеніемъ французскаго народа, при его всегдашней наклонности къ увлеченіямъ, пользовались, конечно, разные политиканы для своихъ цѣлей. А въ дѣлѣ Дрейфуса антисемитская агитація легко слилась съ мнимо-патріотическою.

Какъ мы уже сказали выше, процессъ Зола доставилъ превосходный для этого предлогъ: къ защитѣ отечества противъ евреевъ, противъ нѣмцевъ, присоединилась возможность защищать и армію отъ ея хулителей,—защищать самихъ защитниковъ отечества.

Въ дѣлѣ Зола все отъ начала до конца было безобразно. Обвиненіе было поставлено совершенно произвольно: выхвачена одна фраза изъ длинной статьи, чтобы изловить подсудимаго, не давъ ему возможности объясниться о самомъ существенномъ. Весь вопросъ о виновности Дрейфуса сталъ разсматриваться вновь по существу съ пристрастною окраскою. Разумѣется, стремленіе Зола доказать путемъ своей собственной защиты, что Дрейфусъ не виноватъ, не выдерживало критики съ юридической стороны. Тотъ, кто обвиняетъ печатно судей въ неправосудіи, долженъ доказывать, что заявленія его не содержатъ въ себѣ клеветы, а истинную правду, всякими средствами, но

не существомъ самого дѣла, по которому судьи поставили неправосудный, будто-бы, приговоръ. Обвиняемый въ печатной клеветѣ можетъ подтверждать имѣющимися въ его распоряженіи данными, что судьи находились въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ участвующими въ дѣлѣ лицами, что имъ дано было приказаніе свыше такъ или иначе рѣшить дѣло и т. п. Но всѣ такія утвержденія должны быть основаны на посторонныхъ доказательствахъ, а не на обстоятельствахъ дѣла и не на пересмотрѣ его вновь неустановленнымъ судомъ, при извращеніи ролей,—съ постановленіемъ судей въ роль обвиняемыхъ, а осужденнаго и его друзей или проигравшую тяжбу сторону въ роль обвинителей.

Всѣ эти принципы были нарушены по дѣлу Зола.

За обвиненіемъ въ клеветѣ, поставленномъ противъ него не прямо, честно, съ возможностью оправдаться дозволенными способами, а въ видѣ какой-то ловушки, послѣдовало судебное слѣдствіе, на которомъ разрѣшено было военнымъ торжественно утверждать, что, по ихъ голословному убѣжденію, Дрейфусъ виновенъ. Разъ такой ходъ былъ данъ дѣлу,—нельзя было совсѣмъ зажать рты защитѣ. Все производство сошло съ рельсовъ

и вмѣсто отправленія правосудія, произошелъ невообразимый хаосъ среди позорной для судебнаго мѣста обстановки. Всякое достоинство суда было утрачено, предсѣдатель дозволялъ постороннимъ слушателямъ орать, свистать, одобрять или запугивать свидѣтелей; въ корридорахъ происходилъ живой обмѣнъ палочныхъ ударовъ и оплеухъ...

Тѣмъ не менѣе, Зола достигъ своей цѣли и выступленіе его оказалось необходимымъ, какъ, вообще, вынуждается нелегальный протестъ, когда и въ государствѣ не находится власти, которая взяла бы въ руки защиту законныхъ правъ группы гражданъ или отдѣльнаго лица.

Процесъ Зола и послѣдовавшая за нимъ предвыборная агитація представляютъ собой моменты крайняго разгара страстей враждующихъ партій въ связи съ дѣломъ Дрейфуса.

Какъ уже сказано, реакціонеры и буланжисты съ клерикалами во главѣ стремительно бросились въ бой противъ существующихъ республиканскихъ порядковъ, недостатки которыхъ открывали широкое поле для обличенія. Третья республика, говорятъ не безъ основанія противники ея, не доставила ни славы, ни порядка. Парламентаризмъ униженъ ею до послѣдней степени. Эта палата, состоящая изъ адвокатовъ безъ дѣлъ, изъ лекарей

безъ практики, изъ крикуновъ, изъ мелкихъ политикановъ, порождаетъ хаосъ въ странѣ и парализуетъ ея политическую жизнь. Нужна здоровая метла,—присовокупляютъ, — чтобы вымести этотъ соръ. Отъ подобныхъ теорій до оправданія государственнаго переворота при помощи военной силы не далеко.

Дружно двинулось клерикальное и необуланжистское войско. Пароль клерикалами и буланжистами былъ данъ такой: «Спрашивайте кандидатовъ на званіе депутата, кто изъ нихъ за Дрейфуса, а, слѣдовательно, противъ арміи; такъ вы изловите всѣхъ измѣнниковъ, пробирающихся въ палату!». Видными членами агитаціи явились издатели упомянутой выше газеты «Le Croix». Эти отцы ордена Успенія, къ которымъ присоединились члены прочихъ монашескихъ орденовъ и духовенства,—геніальные люди по части умѣнія залѣзать въ чужія души и набивать собственные карманы. Они просто молодцы по этой части: неимовѣрно бойкіе, подвижные, предпріимчивые, неутомимые. Они превосходятъ ловкостью самихъ Рошфора, Дрюмона, Жюдэ и прочихъ публицистовъ, отравляющихъ парижское населеніе своими произведеніями. Да что Парижъ! Нѣтъ деревни, нѣтъ замка во Франціи, гдѣ не читалась-бы «La Croix».

Изъ Рима офиціозный органъ римской куріи «Osservatore Romano» слалъ свое благословеніе, радуясь патріотической агитаціи, долженствовавшей привести къ торжеству церкви.

Разумѣется, и ультра-радикалы, и соціалисты, объявившіе себя сторонниками пересмотра дѣла Дрейфуса, не были руководимы одною любовью къ истинѣ. Они рады были случаю пошумѣть противъ военной власти, такъ какъ знаютъ, что этой, именно, власти, будетъ поручено удержать ихъ въ предѣлахъ легальности при какихъ-либо покушеніяхъ съ ихъ стороны противъ существующаго строя.

Выборы 8-го мая, однако, не сопровождались особенною побѣдою клерикаловъ и буланжистовъ. Численное отношеніе членовъ разныхъ партій осталось въ новой палатѣ то же, что и прежде. Проникло только въ нее нѣсколько больше проходимцевъ изъ разряда, такъ называемыхъ, націоналистовъ.

Но сторонники пересмотра процесса Дрейфуса—за исключеніемъ самыхъ стойкихъ и интеллигентныхъ, такъ сказать чистыхъ, чуждыхъ всякой политики, искавшихъ только «правды и справедливости»—подъ вліяніемъ страха, навѣяннаго на нихъ обвиненіемъ въ соучастіи въ «синдикатѣ измѣны», совсѣмъ утихли послѣ выборовъ.

Пишущій эти строки самъ видѣлъ, присутствуя въ іюнѣ при засѣданіи палаты депутатовъ, какъ вся палата, не исключая и лѣвой, и центра, дружно рукоплескала нелѣпой рѣчи бывшаго военнаго министра Кавеньяка, ссылавшагося на документы, оказавшіеся впослѣдствіи подложными и на искажаемое имъ признаніе Дрейфуса, котораго тотъ никогда не дѣлалъ и которое ровно ничего не значило, потому что самъ обвиненный не былъ спрошенъ о смыслѣ приписываемыхъ ему словъ.

Одно время казалось, что дѣло Дрейфуса совсѣмъ погибло, однако, «чистые» сторонники пересмотра изъ разряда интеллигентныхъ все-таки не унывали, надѣясь на пришествіе какого-то Мессіи, который раскроетъ правду.

Такъ оно и случилось. Наступили неожиданныя разоблаченія. Самоубійство одного изъ настоящихъ измѣнниковъ раскрыло многимъ глаза и произвело потрясающее впечатлѣніе на все общество. Къ тому еще явно пристрастныя дѣйствія необуланжистовъ противъ подполковника Пикара,—многимъ извѣстнаго, какъ честнѣйшаго человѣка,—значительно ихъ скомпроментировали и до очевидности доказали, что дѣйствіями ихъ руководитъ одно желаніе мести за позорныя для нихъ разоблаченія.

Послѣ упомянутаго самоубійства оказалось возможнымъ передать все дѣло о Дрейфусѣ и все, что съ нимъ связано, въ руки органа правосудія стоящаго выше этой борьбы клерикально-военной олигархіи съ гражданскою демократіею.

Слѣдуетъ еще замѣтить одно: несмотря на неприглядныя картины, которыя представляетъ упомянутая борьба, тѣмъ не менѣе, къ чести свободныхъ учрежденій Франціи должно быть отнесено то, что, не взирая на сопротивленіе со стороны людей, облеченныхъ властью, частныя лица могли изобличить неправосудіе и содѣйствовать раскрытію злоупотребленій, отъ которыхъ страдаетъ сама армія, а съ нею вмѣстѣ и вся страна.

VII.

Поруганіе высшей магистратуры во Франціи *).

Если инструментъ казни, извѣстный подъ названіемъ гильотины, еще не работаетъ безпрерывно на какой-либо изъ площадей Парижа,—если члены разныхъ французскихъ политическихъ партій не рубятъ другъ другу головы, какъ это дѣлалось въ памятномъ 1793 году,—если кровь не льется потоками на эшафотахъ при рукоплесканіяхъ и хохотѣ разгулявшейся толпы, какъ происходило въ ту эпоху,—то вмѣсто всего этого современные французы устроили политическую вакханалію иного рода: они убиваютъ другъ друга, хотя не физически, то нравственно, покрываютъ своихъ ъ видныхъ общественныхъ дѣятелей позоромъ, душатъ ихъ подъ тяжестью взводимыхъ на

---

*) «Новости». 9 февраля 1899 г. № 40.

нихъ возмутительныхъ обвиненій, никого не щадя и ни передъ чѣмъ не останавливаясь, наконецъ, глумятся надъ собственными государственными учрежденіями и надъ такими именно, къ которымъ прочіе образованные народы относятся съ особеннымъ уваженіемъ, между прочимъ,—и надъ судомъ. Кругомъ сыплются брань, клевета, доносы и рядомъ съ этимъ—трусость передъ толпою, разъяренной подобными средствами. Вся политическая Франція точно утопаетъ въ огромной лужѣ грязи.

Люди 1793 г., посылая другъ друга на казни и сами умирая на эшафотахъ, были, по крайней мѣрѣ, совершенно искренни и серьезны. Ихъ воодушевляли идеалы. Потомки-же ихъ, повидимому, никакихъ особенныхъ принциповъ не придерживаются, руководятся только стремленіемъ къ успѣху, превращаютъ общественную жизнь въ своего рода биржевую игру, среди которой каждый старается урвать что можно и сколько можно, забраться куда-нибудь повыше и тамъ всѣми способами продержаться какъ можно подолѣе. И для этого прежде всего искатели благъ земныхъ, разрывая другъ друга зубами, обращаются къ толпѣ, къ улицѣ, которая надъ всѣмъ господствуетъ, льстятъ ея страстямъ, угождаютъ ея вкусамъ, пользуются ея невѣжествомъ и пропитываются ея духомъ.

Да, толпа, улица—это одинъ изъ важныхъ факторовъ политической жизни современной Франціи. Парламентаризмъ, представленный палатою депутатовъ, въ составъ которой входятъ неудачники и политиканы разныхъ профессій, униженъ въ этой странѣ до послѣдней степени. Практика французскихъ представительныхъ учрежденій, при которой ругательства и даже боксъ допускаются, какъ средства убѣжденія противниковъ,—является сильнымъ доводомъ въ аргументаціи сторонниковъ ничѣмъ не умѣреннаго абсолютизма. Духовенство, разъяренное преслѣдованіями, порожденными духомъ нетерпимости, работаетъ исподтишка въ смыслѣ ломки существующихъ учрежденій. Военныя власти жалуются на недостаточное уваженіе къ чести оружій и нѣкоторыя изъ нихъ, повидимому, мечтаютъ о внутренномъ реваншѣ. Магистратура, наконецъ, которая была нѣсколько лѣтъ тому назадъ подвергнута процессу «очистки» (épuration) при временномъ пріостановленіи закона о несмѣняемости, теперь въ лицѣ первенствующаго органа своего, кассаціоннаго суда, незатронутаго этою очисткою, подвергнута просто поруганію. Высшіе судьи въ странѣ обратились вдругъ сами въ подсудимыхъ и только—вслѣдствіе до пошлости вздорныхъ навѣтовъ, пристрастныхъ, явно вы-

мышленныхъ, но возбудившихъ массу. Означенные судьи признаны, все въ угоду толпы, подозрительными, неблагонадежными, недостойными судить подлежащее вѣдѣнію ихъ, по дѣйствующему закону, дѣло. До сихъ поръ во Франціи мѣнялись политическіе режимы, но высшій въ государствѣ судъ оставался неприкосновеннымъ. Теперь и онъ снесенъ съ высоты, на которой стоялъ, торжествующею улицею.

Толпа, руководимая лгунами, крикунами, скоморохами, ажіотерами, завопила: «подайте намъ другихъ судей эти не годятся!»

И министры Франціи поторопились исполнить приказаніе улицы и ея вдохновителей, изъ опасенія того, чтобы не сократить на нѣсколько недѣль срока своего и безъ того непродолжительнаго пребыванія въ должностяхъ, до которыхъ дорвались и за которыя обѣими руками уцѣпились, да еще чтобы не лишить себя, чего Боже упаси, возможности попасть въ депутаты при слѣдующихъ общихъ выборахъ. Великій институтъ всеобщей подачи голосовъ, вѣдь, способенъ признать ихъ недостойными общественной службы за слишкомъ самостоятельныя мнѣнія, лишить казеннаго содержанія ихъ самихъ, а родственниковъ и знакомыхъ—случая добиться раздаваемыхъ правительствомъ, бла-

годаря табачной монополіи, мѣстъ торговцевъ въ табачныхъ лавочкахъ.

Всегда, при всякихъ мятежахъ и бунтахъ, толпа устраивала свои собственныя судилища, дѣйствовавшія въ ея духѣ. Но тамъ, гдѣ господствуютъ благоустроенные государственные порядки, строй судовъ и подсудность дѣлъ не измѣняется второпяхъ, въ угоду массѣ, которую все равно никакими юридическими порядками и никакимъ судоустройствомъ не удовлетворишь, если только не дѣлать того, чего она въ данный моментъ требуетъ, если не послушаться голоса ея, когда она галдитъ.

Исполняй французское правительство долгъ свой какъ слѣдуетъ, будь оно на высотѣ своего положенія, никогда никакого дѣла Дрейфуса не было-бы и всякаго рода тенденціозная агитація, связанная съ этимъ дѣломъ, обратилась-бы въ ничто. Произошло-бы самое обыкновенное судебное разбирательство; допущенъ былъ-бы пересмотръ прежде рѣшеннаго дѣла по вновь открывшимся обстоятельствамъ или пересмотръ былъ-бы на правильномъ основаніи отклоненъ. Но, конечно, всякаго рода государственные измѣнники, фальсификаторы, поддѣлыватели документовъ, обманщики, шпіоны и укрыватели ихъ, какъ-бы высоко

послѣдніе ни стояли, были-бы преданы суду по дѣйствующему закону, безъ поставленія вверхъ дномъ всего общества. Не слышно было-бы о безсрочномъ содержаніи подъ стражею человѣка въ отместку за то, что онъ, вопреки желанію начальства, обнаружилъ подлоги (дѣло Пикара—необыкновенное дѣло!) и рядомъ съ этимъ не восхвалялись-бы поступки дѣйствительнаго виновника въ измѣнѣ и поддѣлкахъ, не сочинена была-бы теорія «патріотическаго подлога» (дѣло Анри).

Но такъ можно разсуждать тамъ, гдѣ государственная жизнь течетъ сколько-нибудь правильно и спокойно, а не въ такомъ обществѣ, гдѣ улица и руководящіе ею газетчики и политиканы предписываютъ законы.

Нравственное безсиліе власти во Франціи особенно выразилось при инцидентѣ, съ которымъ связано имя Кенэ де-Борепэра.

До появленія этого господина на сценѣ нескончаемое дѣло Дрейфуса какъ будто причалило къ берегу. Оно было передано предшествующимъ министерствомъ въ установленный судъ, который приступилъ къ спокойному разсмотрѣнію дѣла—насколько, вообще, спокойствіе доступно французамъ, мало сдержаннымъ во внѣшнихъ проявленіяхъ своихъ. Почувствовалось нравственное

облегченіе. Эти судьи, не искавшіе популярности, что такъ рѣдко встрѣчается въ ихъ отечествѣ, даже пренебрегавшіе ею, не пугавшіеся ни бряцанія сабель военныхъ, ни анаѳемы клерикаловъ, ни лая уличныхъ газетчиковъ, ни всякихъ ругательствъ, клеветъ, ни даже угрозъ смерти, напоминали собою отчасти Архимеда, чертившаго геометрическія фигуры во время штурма. Невольно приходила на мысль Франція прежняя, Франція идей и принциповъ, какъ мы ее знавали въ молодости, еще до «альянса» съ нами, до шумныхъ демонстрацій въ Кронштадтѣ и Тулонѣ.

Но въ средѣ той-же магистратуры оказался Іуда. Не принадлежа къ составу того департамента, который разсматривалъ дѣло, не участвуя въ производствѣ, но только подсматривая въ щелки, подслушивая подъ дверьми и разспрашивая сторожей и курьеровъ, этотъ господинъ догадался, въ какую сторону клонятся вѣсы правосудія, и рѣшился дѣйствовать съ цѣлью вынырнуть опять съ особеннымъ эффектомъ на политической аренѣ послѣ крушенія на ней. Названный добровольный разстрига изъ судейскихъ, улавливая моментъ для достиженія своихъ цѣлей, не постыдился предъявить противъ своихъ коллегъ по уголовному департаменту извѣтъ, при которомъ забавное шло рядомъ

съ гнуснымъ. Онъ ихъ обвинялъ то въ чрезмѣрно изысканной вѣжливости по отношенію къ нѣкоторымъ свидѣтелямъ, то въ свиданіяхъ въ ватеръклозетѣ зданія суда съ участвующими въ дѣлѣ лицами, для перешептыванія съ ними, то также въ свиданіяхъ, но, вѣроятно, въ другихъ помѣщеніяхъ, съ послами державъ тройственнаго союза для выдачи имъ документовъ, раскрывающихъ французскія военныя тайны.

Нанялся-ли, какъ говорятъ въ Парижѣ, Кенэ де-Борепэръ писать въ газетѣ «Echo de Paris» за 36,000 франковъ въ годъ (по 3,000 въ мѣсяцъ) или за болѣе круглую цифру, а именно, за 50,000—безразлично. Во всякомъ случаѣ, съ появленія его пасквилей на столбцахъ названной газеты, число нумеровъ, требуемыхъ публикою, значительно возросло. Въ биржевомъ смыслѣ сотрудничество Кенэ въ «Echo de Paris» просто кладъ для редакціи, какъ и все дѣло Дрейфуса, доставившее ей много денегъ.

Для всякаго разсудительнаго человѣка, въ особенности для не-француза, но, конечно, не для толпы, доносы Кенэ или, какъ ихъ назвали, «разоблаченія», представляются сплетеніемъ глупѣйшихъ, бездоказательныхъ, недостойныхъ серьезнаго вниманія инсинуацій и навѣтовъ, гнусная цѣль кото-

рыхъ до осязательности ясна. Но въ современной Франціи Кенэ долженъ былъ произвести эффектъ. Какъ только этотъ господинъ, съ которымъ пишущаго эти строки познакомили нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ, какъ съ коллегою по ремеслу (онъ занималъ въ то время должность прокурора парижской судебной палаты), какъ только онъ сбросилъ съ себя судейскую тогу съ жестомъ дѣланнаго негодованія и появился въ видѣ обличителя передъ публикою, заговорилъ въ помойномъ листкѣ, — тотчасъ-же онъ сталъ чѣмъ-то вродѣ вице-диктатора во Франціи. Министерству оставалось только преклониться и повиноваться. Вмѣсто того, чтобы вылить на Кенэ и на всю ложь, имъ изображаемую, цѣлый ушатъ презрѣнія и стать на стражѣ судейской чести и существующихъ учрежденій,—министръ юстиціи Лебрэ даже охрипъ отъ робости, когда ему пришлось давать въ палатѣ объясненія по поводу распубликованныхъ гнусностей.

Недобросовѣстность Кенэ де-Борепэра подтверждается слѣдующимъ простымъ соображеніемъ. Если во Франціи и даже въ Россіи подъ вліяніемъ лжи, распространяемой извѣстной частью нашей печати, имѣются десятки тысячъ людей, которые вполнѣ добросовѣстно вѣрятъ, что существуетъ многомилліонный нѣмецко-іудейскій синдикатъ,

который затратилъ несмѣтныя суммы на подкупъ министровъ, депутатовъ, судей, журналистовъ съ цѣлью освободить Дрейфуса съ Чертова острова. какъ нѣкогда сказочный принцъ освобождалъ спящую красавицу изъ очарованнаго замка,—если эти наивные люди убѣждены въ томъ, что представители державъ тройственнаго союза только и мечтаютъ, какъ-бы развѣдать важныя французскія военныя тайны, хотя-бы при помощи подкупленныхъ ими судей,—то все-таки г. Кенэ не принадлежитъ къ числу подобныхъ простаковъ. Онъ разумѣетъ дѣло Дрейфуса и всю связанную съ нимъ агитацію какъ и мы. Ему вполнѣ извѣстно, что между существомъ этого злосчастнаго дѣла, какъ процесса судебнаго, которымъ только и былъ занятъ уголовный департаментъ французскаго кассаціоннаго суда, и между всѣми баснями, которыя сочинялись по поводу его въ разгарѣ политическихъ и соціальныхъ страстей,—что между существомъ дѣла и случайнымъ, вынужденнымъ бездѣйствіемъ отвѣтственной власти, выступленіемъ Зола, Лабори и другихъ частныхъ лицъ, съ цѣлымъ сопровождавшимъ это вступленіе полемическимъ потокомъ, забрызгавшимъ, будто-бы, мундиры французскаго войска,—что между этими разнородными явленіями,—говоримъ мы,—нѣтъ серьез-

ной связи. Кенэ прекрасно понимаетъ, что императоры германскій и австрійскій, равно какъ и итальянскій король настолько-же интересуются судьбою Дрейфуса, какъ и императоръ китайскій. Г. Кенэ хорошо знаетъ, что богатые люди во Франціи, въ томъ числѣ и евреи, вовсе не желаютъ ссориться съ арміею, которая, по ихъ мнѣнію, охраняетъ ихъ капиталы и служитъ лучшимъ оплотомъ противъ соціализма. А между тѣмъ, Кенэ все клевещетъ, ссылаясь при навѣтахъ своихъ то на пословъ тройственнаго союза, подкупающихъ, будто-бы, кассаціонныхъ судей, то на впечатлѣнія сторожей, на патріотическія ощущенія курьеровъ, городовыхъ, подсматривающихъ, что дѣлаютъ кассаціонные судьи при разборѣ дѣла Дрейфуса, и, между прочимъ, не бѣгаютъ-ли они слишкомъ часто въ ватеръ-клозетъ. Такъ, напримѣръ, заподозрѣнный совѣтникъ уголовнаго департамента 70-ти-лѣтній Шамберо (Chambereaud) долженъ былъ представить, при дознаніи, о которомъ рѣчь будетъ ниже, медицинское свидѣтельство, удостовѣряющее, что неоднократныя посѣщенія имъ упомянутаго мѣста объясняются болѣзненнымъ состояніемъ его. Вотъ, до чего дошла общественная жизнь во Франціи, до какихъ гадостей опустились потомки людей 1789 года!

Кстати сказать, г. Кенэ де-Борепэръ давно страдаетъ глубоко уязвленнымъ честолюбіемъ, и, несмотря на то, что ему около 65 лѣтъ, онъ, тѣмъ не менѣе, очень подвиженъ, нервенъ и не утратилъ надежды сыграть видную роль въ своемъ отечествѣ, послѣ выступленія въ критическую минуту спасителемъ его, при помощи фондовъ газеты «Echo de Paris». Въ свое время г. Кенэ де-Борепэръ блестяще обвинялъ шайку буланжистовъ, обломки которой теперь пользуются его поддержкою. За свои дѣйствительныя заслуги онъ не получилъ желанныхъ отличій. Напротивъ того, когда возникло дѣло Панамы и когда часть этого дѣла была по отсутствію уликъ прекращена (какъ у насъ сказали-бы, по 277 ст. уст. уг. суд.), то на него взведены были обвиненія такого-же свойства, какія онъ теперь самъ взводитъ на другихъ. Тогдашній министръ юстиціи передалъ упомянутыя обвиненія, въ виду ихъ настойчивости, на разсмотрѣніе высшаго дисциплинарнаго суда, который хотя и оправдалъ Кенэ де-Борепэра, но—совершенно напрасно—какъ-то слишкомъ вяло, ссылаясь въ мотивахъ своихъ на неустановленность обвиненія, на бездоказательность его и не давъ, какъ несомнѣнно слѣдовало, рѣшительнаго нравственнаго отпора клеветникамъ. Все это, вѣ-

роятно, оставило незалеченную рану въ душѣ г. Кенэ, который въ послѣднее время рядомъ съ исполненіемъ судейскихъ обязанностей занимался беллетристикою, а именно—писалъ романы.

Возбужденная сочинительствомъ фантазія, оскорбленное самолюбіе рядомъ съ безразличіемъ въ выборѣ средствъ, свойственнымъ французскимъ политиканамъ, и съ желаніемъ уловить моментъ вызвало порывистое выступленіе на сцену Кенэ де-Борепэра. И, дѣйствительно, выступленіе это оказалось для него въ высшей степени удачнымъ просто блестящимъ, громоноснымъ, если только отбросить въ сторону всякую мораль. Онъ сразу преобразилъ судебный строй своего отечества. Съ ловкостью и быстротою, свойственными однимъ престидижитаторамъ, онъ смѣшалъ карты, къ общему удовольствію публики, и перемѣнилъ судей по дѣлу Дрейфуса.

Министерство Дюпюи-Лебрэ поспѣшило исполнить угодное Кенэ де-Борепэру. Оно назначило дознаніе о дѣйствіяхъ заподозрѣнныхъ въ пристрастіи и продажности членовъ уголовнаго кассаціоннаго департамента черезъ старшаго предсѣдателя Мазо и двухъ членовъ другихъ департаментовъ. Лучше сказать, было назначено два послѣдующихъ дознанія по приказанію г. Кенэ, такъ

какъ, въ виду безрезультатности перваго дознанія и въ виду того, что не выгорѣла исторія о сторожахъ-сердцевѣдцахъ и о ватерклозетахъ, онъ счелъ нужнымъ уже заговорить о послахъ тройственнаго союза и предъявить на всякій случай обвиненіе въ государственной измѣнѣ, которое во Франціи имѣетъ всегда особенный успѣхъ. Производящимъ дознаніе было поручено попутно повѣрить «факты» такого-же направленія, указанные въ анонимной статьѣ газеты «Eclair». Дознаніе вышло обширное. Были допрошены не только вызывавшіеся по дѣлу Дрейфуса свидѣтели относительно того, какъ имъ понравились судьи, какого они о нихъ мнѣнія, но и курьеры, сторожа, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые находятся при ретирадныхъ мѣстахъ, и даже жандармскій офицеръ, приводившій арестанта. На обязанности этого офицера лежало, повидимому, не столько наблюденіе за ввѣреннымъ ему арестантомъ, сколько за дѣйствіями членовъ кассаціоннаго суда.

Объясненія, данныя при дознаніи оклеветанными судьями, отличаются спокойствіемъ и достоинствомъ. Обнаружилось, что докладчикомъ по дѣлу былъ избранъ холостой судья изъ опасенія того, чтобы жена и дѣти какого-нибудь семейнаго не тревожились-бы слишкомъ, въ виду

угрозъ насилій и убійствъ, которыя постоянно сыпались изъ лагеря «патріотовъ» на этихъ судей въ цивилизованной Франціи.

Что дало дознаніе, вызванное «разоблаченіями» де-Борепэра, выражено въ слѣдующихъ словахъ парламентской коммиссіи, разсматривавшей это дознаніе. Приводимъ подлинныя слова: «La commission a ètè unanime pour déclarer que l'enquête avait tournè a l'avantage des magistrats. La commission a reconnu que l'honorabilitè et la sincèritè de tous les membres de la chambre criminelle ètaient demeurées parfaitement intactes». (Коммиссія единогласно признала, что дознаніе оказалось благопріятнымъ для судей, что честь и искренность всѣхъ членовъ уголовнаго департамента ничѣмъ не запятнаны).

Но производившій дознаніе при содѣйствіи двухъ членовъ суда старшій предсѣдатель его, Мазо, счелъ нужнымъ, однако, по внушенію, кажется, министровъ, присовокупить поразительное заключеніе. Признавая въ окончательномъ выводѣ то-же, что и парламентская коммиссія, онъ, однако, намекнулъ, что хотя судьи и безусловно честны, но они едва-ли вполнѣ избѣжали нѣкотораго возбужденія, сообщавшагося имъ извнѣ, а потому благоразумнѣе было-бы, по мнѣнію г. Мазо,

при настроеніи общественнаго мнѣнія въ странѣ и для успокоенія его, не возлагать на нихъ однихъ отвѣтственности за окончательный исходъ дѣла.

Тутъ поразительна ссылка старшаго предсѣдателя на общественное мнѣніе. Это цѣлый переворотъ въ юридическихъ воззрѣніяхъ. До сихъ поръ полагалось, что судъ обязанъ исполнять свои высокія обязанности, руководствуясь только законами и примѣняя ихъ къ обстоятельствамъ дѣла, нисколько не стѣсняясь мнѣніями толпы, и вдругъ мы узнаемъ, что, наоборотъ, можно измѣнять порядокъ судопроизводства въ угоду этой толпѣ, изгонять однихъ судей, сажать другихъ, вырвать уже производящееся дѣло изъ рукъ одного состава суда, поручать его другому составу, болѣе по мнѣнію толпы, благонадежному и покладистому, которому, разумѣется можно даже дать понять, какое желательно рѣшеніе, такъ какъ рѣшеніе нужно постановлять согласно общественному мнѣнію. Вотъ идеалы правосудія, которые провозглашаются во Франціи! У насъ, въ Россіи, недавно одинъ изъ членовъ одной изъ судебныхъ палатъ былъ преданъ дисциплинарному суду за то только, что въ приговорѣ, имъ редактированномъ, онъ,

въ подтвержденіе правильности выводовъ приговора, сослался на знаки одобренія, выраженные публикою при объявленіи вердикта.

Министерство горячо ухватилось за упомянутый докладъ и, прячась за мнѣніе старшаго предсѣдателя кассаціоннаго суда, имъ-же навѣянное, внесло законопроектъ, который уже прошелъ въ палатѣ депутатовъ и пройдетъ, конечно, благодаря общей робости передъ улицею, въ сенатѣ (если избраніе Эмиля Лубэ президентомъ республики не породитъ новаго настроенія) и на основаніи котораго Дрейфусъ будетъ лишенъ своихъ «естественныхъ судей» и отданъ подъ судъ особаго состава. Этотъ новый составъ судей, разумѣется, пойметъ, чего отъ него ожидаютъ имперіалисты, клерикалы, всякаго рода «патріоты», задающіе тонъ «общественному мнѣнію». Нельзя-же думать, въ самомъ дѣлѣ, что французское правительство, нарушая принципы не только республиканскаго режима, но всякаго правильнаго государственнаго порядка, дѣйствуетъ спроста. Оно вполнѣ сознаетъ, куда ведетъ дѣло. Послѣ трехмѣсячнаго непрерывнаго труда уголовный кассаціонный департаментъ все болѣе и болѣе выяснялъ истину, и стало замѣтно, что убѣжденіе его, по существу дѣла, складывается въ нежелательномъ направ-

леніи. Вотъ поэтому-то и потребовалось произвести подтасовку судей и превратить судъ въ парламентъ, вмѣщающій въ себѣ людей съ противоположными взглядами.

Во французской исторіи бывали случаи учрежденія исключительныхъ судовъ, представлявшихъ изъятіе изъ общаго порядка судопроизводства: забрызганный кровью революціонный трибуналъ конца прошлаго столѣтія, прославившіеся неправосудіемъ особые суды и смѣшанныя коммиссіи при консульствѣ и при первой и второй имперіяхъ. Но изъятіе по политическимъ соображеніямъ, въ угоду вліятельныхъ партій, въ угоду политикановъ и руководимой ими толпы, опредѣленнаго дѣла во время производства его составляетъ явленіе необыкновенное, такой прецедентъ, который можетъ обратиться въ опасное орудіе въ рукахъ всякой партіи, находящейся во власти. Если при любой формѣ правленія важно держать судъ въ сторонѣ отъ политики,—внѣ всякихъ временныхъ теченій, то оно особенно важно при республиканской формѣ, да еще въ такой странѣ, гдѣ власть часто переходитъ отъ однихъ къ другимъ и гдѣ взаимная нетерпимость партій другъ къ другу доходитъ до политическихъ ссылокъ и казней. Зданіе правосудія—оплотъ правъ гражданъ. А въ

данномъ случаѣ самъ министръ юстиціи помогъ толпѣ ворваться въ это зданіе и въ немъ похозяйничать.

До чего доходятъ министры во Франціи въ дѣлѣ прислужничества передъ массами, можно судить по слѣдующимъ словамъ Лебрэ во время преній по разбираемому законопроекту: «...Говорилось объ общественномъ мнѣніи и сказано было, что его въ разсчетъ можно не принимать... Но нужно, наконецъ, уяснить себѣ послѣ мѣсяцевъ и годовъ, проведенныхъ среди смуты, каковы чувства общества и какова его *воля*». (По отношенію къ судебному-то дѣлу!). «Выраженіе общественнаго мнѣнія вы должны искать не въ газетахъ, не среди парламентскихъ пререканій, а вамъ слѣдуетъ перенестись мысленно въ ваши избирательные округа»... (Спросить у своихъ избирателей, какъ прикажутъ они рѣшить уголовное дѣло!).

Главный доводъ, на который опирался первый министръ Дюпюи, заключается въ томъ, что нужно, наконецъ, успокоить страну, необходимо образованіе такого судилища, которому всѣ довѣряли-бы и передъ приговоромъ котораго всѣ преклонились-бы.

Но этотъ доводъ совершенно несостоятеленъ.

Отъ министерства вполнѣ зависѣло, если-бы оно не заискивало передъ своими противниками и передъ улицею, — осадивъ клеветниковъ, ставъ твердо на почву защиты законовъ, судебныхъ учрежденій и честныхъ людей, успокоить общество укрѣпленіемъ въ немъ убѣжденія въ незыблемости существующаго правового порядка. Подтасовкою-же судей для даннаго дѣла никого удовлетворить нельзя. Это только новая обида чувству законности и справедливости. Въ случаѣ обвиненія скажутъ, что оно достигнуто путемъ упомянутаго неблаговиднаго маневра и обличеніе неправосудія будетъ попрежнему продолжаться. Въ случаѣ оправданія, недовольные имъ будутъ продолжать ту-же безчестную кампанію противъ всего состава кассаціоннаго суда, которую они съ такимъ успѣхомъ повели противъ уголовнаго департамента его. Разъ уваженіе къ суду подорвано, разъ судъ поруганъ — можно-ли ждать чего-либо хорошаго? Г. Дюпюи скажетъ, вѣроятно, что, дѣлая уступки, отрекаясь отъ принциповъ, онъ «спасалъ республиканскія учрежденія». Но, напротивъ того, не подготовляетъ-ли онъ только, увеличивая нравственную анархію въ странѣ, путь будущему «спасителю» общества, который можетъ появиться съ саблею и метлою?... Развѣ друж-

ное дѣйствіе всѣхъ республиканскихъ группъ, выразившееся въ избраніи новаго президента французской республики, честнаго республиканца Лубэ, уйметъ всѣхъ этихъ «патріотовъ», націоналистовъ, антисемитовъ, и т. п., этихъ коршуновъ, совъ и нетопырей, которые, того и смотри, заклюютъ Францію, какъ мертвое тѣло, лишившееся животворящаго его духа.

Лучшимъ комментаріемъ къ закону, проведенному министерствомъ Дюпюи-Лебрэ и являющемуся, въ сущности, капитуляціею республики передъ ея врагами, передъ клерикальною реакціею и демагогическимъ цезаризмомъ, составляетъ статья газеты «Autorité», подписанная Кассаньякомъ, этимъ вождемъ имперіалистовъ и записнымъ защитникомъ арміи, который не упускаетъ, конечно, случая занести въ свою лѣтопись всѣ прегрѣшенія третьей республики противъ права и свободы.

Статья эта своего рода перлъ.

Вотъ, что пишетъ Кассаньякъ:

«Вашъ законъ—чудовищное посягательство... судебный coup d'état... оплеуха, нанесенная республиканской магистратурѣ. Эту магистратуру, нѣкогда чтимую и уважаемую, вы огаживаете до того, что тащите верховныхъ судей страны, какъ простыхъ разбойниковъ, въ парламентъ, превращенный въ

трибуналъ... Политика будетъ судить юстицію. Нужно еще вамъ сказать спасибо за то, что вы не приводите этихъ судей къ себѣ подъ конвоемъ и въ кандалахъ... А мы, которые принадлежимъ къ непримиримой оппозиціи, неужели-же мы будемъ столь просты, что не пристанемъ къ вамъ, не поможемъ вамъ низвергнуть, опустить въ помойную яму эту магистратуру, которую вы обезобразили, исковеркали, исказили, чтобы набросить ее на насъ, на наше имущество, на нашу свободу, на наши религіозныя убѣжденія? Нѣтъ, нѣтъ. *Мы будемъ съ вами противъ васъ!*».

Каковъ цинизмъ! Къ приведеннымъ словамъ Кассаньяка не остается, кажется, ничего добавить, развѣ предложить нашимъ друзьямъ, французамъ, нашимъ «алье», чтобы они на предстоящей всемірной выставкѣ 1900 года, къ какому времени они разсчитываютъ покончить всѣ свои домашнія дрязги и притихнуть, дабы не запугать иностранцевъ и не лишиться ожидаемыхъ бенефисовъ, чтобы они,—говоримъ мы,—выложили для обозрѣнія международной публики докладъ старшаго предсѣдателя кассаціоннаго суда Мазо съ его необыкновенными воззрѣніями на задачи правосудія, долженствующаго, будто-бы, угождать общественному мнѣнію. Ничего подобнаго навѣрное ни у

одного цивилизованнаго народа не найдется. Этотъ докладъ можетъ сдѣлаться «гвоздемъ» выставки и французы, конечно, получатъ премію, въ особенности при состязаніи между произведеніями декадентовъ *).

*) И несмотря на всѣ происки, несмотря на указанное выше нарушеніе юридическихъ принциповъ, недопускающихъ подтасовку судей для даннаго дѣла, правда все-таки взяла верхъ. Соединенное присутствіе кассаціонныхъ департаментовъ, подъ предсѣдательствомъ этого же самаго г. Мазо, послѣ самаго внимательнаго и обстоятельнаго разбора, отвергло единогласно—это единогласіе замѣчательно!—всѣ обвиненія, предъявленныя противъ Дрейфуса, и изобличило составителей и предъявителей подложныхъ документовъ. Единственный неподложный документъ по дѣлу Дрейфуса и вмѣстѣ съ тѣмъ единственная противъ него улика было знаменитое «бордеро». И это самое «бордеро», написалъ не Дрейфусъ, а столь извѣстный маіоръ Эстергази, въ чемъ впослѣдствіи сознался названный Эстергази, которому французское военное начальство оказывало всякое покровительство, стараясь всячески выпутать его изъ дѣла и все свалить на Дрейфуса.

VIII.

Еще о французскомъ обществѣ о дѣлѣ Дрейфуса *).

...«Les hommes de loi russes nous donnent des leçons bien méritées de libéralisme et de séparation des pouvoirs», — пишетъ газета «Фигаро» въ нумерѣ отъ 9 марта и, такимъ образомъ, признаетъ, что наши взгляды на французскія дѣла не лишены основанія. Все на свѣтѣ превратно. Когда то насъ французы многому учили, а теперь намъ приходится напоминать нашимъ учителямъ, хотя бы и съ подобающею почтительностью, о томъ, что они намъ преподали. Дѣлать нечего! Жаль только, что при всѣхъ измѣненіяхъ, происходящихъ на нашей планетѣ, не усматривается того закона непрерывнаго прогресса человѣческихъ обществъ, который былъ возвѣщенъ нѣкоторыми почтенными мыслителями, присвоиваю-

*) «С.-Петербургскія Вѣдомости», 28 марта, 1899 г. № 64.

щими себѣ громкое наименованіе соціологовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ умственномъ мірѣ обнаруживается постоянная эволюція, которая касается и нравственныхъ понятій. Однако, современному человѣку нѣтъ, тѣмъ не менѣе, основанія гордиться чрезмѣрнымъ превосходствомъ своимъ надъ предками. Онъ, разумѣется, обладаетъ бо̀льшимъ запасомъ знаній, — и то благодаря открытіямъ и усиленнымъ трудамъ незначительнаго числа избранныхъ умовъ. Жизнь его удобнѣе... Но лично современный человѣкъ нисколько не умнѣе людей предшествующихъ поколѣній и нравственность его, все-таки, крайне поверхностна. При случаѣ въ немъ сказывается тотъ же звѣрь-человѣкъ и, при томъ, тѣмъ болѣе опасный, что онъ обладаетъ болѣе утонченными способами проявлять свою алчность и жестокость. Приведенныя разсужденія относятся ко всѣмъ народамъ,—между прочимъ, и къ намъ, и къ французамъ. И въ нашемъ обществѣ проявляются признаки регресса, умственнаго и нравственнаго, сравнительно съ предшествующими, лучшими эпохами нашей исторической жизни, какъ, напримѣръ, съ шестидесятыми годами. То же и у французовъ. А что касается до дѣла, ихъ теперь особенно волнующаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, занимающаго весь читающій міръ, то всего умѣстнѣе, ка-

жется, поговорить о немъ еще разъ, пока не найденъ официально ключъ загадки, лежащей въ основѣ его, пока не объявлено окончательно: кто виноватъ—осужденный или осудившіе? И если мы говоримъ о «дѣлѣ», то вовсе не для того, чтобы найти выходъ изъ лабиринта, представляемаго обстоятельствами его. Богъ съ ними, съ этими обстоятельствами! Насъ занимаетъ, такъ сказать, соціальная психологія этого случая, а въ особенности—вопросъ, какая внутренняя болѣзнь вызвала на тѣлѣ Франціи такой нарывъ, какъ это «дѣло», со всею трагикомедіею, его сопровождавшею? Гдѣ корень всей этой смуты? Какъ могли въ названной странѣ черезъ сто лѣтъ послѣ торжественнаго провозглашенія правъ человѣка и гражданина проявиться мысли и чувства, вызывающія воспоминаніе о временахъ Варѳоломеевой ночи?

Французскіе писатели нерѣдко заявляли, что отечество ихъ—нѣчто вродѣ свѣточа, озарающаго путь всего образованнаго міра, что Парижъ—вершина человѣческой цивилизаціи, высшій пунктъ мірового развитія и т. п. Сколько по этой части пущено громкихъ фразъ, сколько потрачено высокопарныхъ словъ, сколько пролито чернилъ! И, дѣйствительно, нельзя не признать, что Франція въ теченіе длиннаго періода своей исторіи предста-

вляла прогрессивный элементъ въ мірѣ,—что вліяніе ея клонилось на сторону просвѣщенія, свободы и терпимости. Но то ли происходитъ теперь? Осталась ли она на прежней высотѣ? Не обнаруживается ли въ ней значительный упадокъ съ того времени, когда она, поглощенная желаніемъ,—хотя, въ сущности, платоническимъ,—отомстить за заслуженныя пораженія 1870—71 гг., явившіеся необходимымъ послѣдствіемъ бездарнаго и развратнаго правленія Наполеона III, и занять опять высокій рангъ среди воинственныхъ державъ,—развела въ своей средѣ всякаго рода шовинистовъ, націоналистовъ, лжепатріотовъ, антисемитовъ и, рядомъ съ этимъ, стала отрекаться отъ своего славнаго идейнаго прошлаго? Въ сущности, что мы видимъ въ настоящую эпоху? Вмѣсто того нѣсколько неопредѣленнаго, но симпатичнаго космополитическаго либерализма, которымъ щеголяли французскіе мыслители, раздаются брань по адресу иностранцевъ, всякаго рода заподозрѣванія ихъ и возванія къ изгнанію и даже къ избіенію евреевъ. На мѣсто Жоржъ Зандъ,—возвѣщавшей новую эру прогресса для всего человѣчества, руководимаго Франціею, точно путеводною звѣздою,—является г-жа Жипъ, эта непрошенная защитница военной силы. На мѣсто Мишле, съ его философскимъ оптимизмомъ, изображавшаго Фран-

цію, какъ часового, поставленнаго, чтобы оберегать западную цивилизацію отъ нашествія варваровъ съ сѣвера, становятся патріоты вродѣ Деруледовъ, Дрюмоновъ, Рошфоровъ и проч. Вмѣсто гимна Ламартина «Marseillaise de la paix», при которомъ пѣлось: «L'égoisme et la haine ont seuls une patrie, la fraternité n'en a pas!» раздается новая пѣснь, пѣснь племенной ненависти, озаглавленная «l'Anti-Juif». (Мы не шутимъ. Она теперь часто поется вслѣдъ за казенною «Марсельезой»).

Когда французы прибыли къ намъ въ качествѣ нашихъ «алье», то нѣкоторые идеалисты изъ числа россіянъ вообразили, что они появились въ нашей средѣ какъ бы съ оливковою вѣтвью, дыша чувствами, изображенными въ объявленіи правъ человѣка и гражданина. Упомянутыя лица тоже суетились и кипятились. Не схвативъ, по своему добросердечію и нѣкоторой наивности, политической стороны вопроса, они готовы были обнять самихъ Деруледа и Рошфора, прижать къ сердцу госпожъ Adam и Gyp. Они не постигали того, что французы, дѣйствительно, рады были сблизиться съ нами, даже запѣть хоромъ съ нашимъ народомъ современную пѣснь свою «l'Anti-Juif», лишь бы мы доставили удовлетвореніе ихъ шовинистическимъ ощущеніямъ, ихъ домогательствамъ о возвратѣ на-

вѣки утраченнаго и надеждамъ ихъ (revendications et espérances). А теперь, такъ какъ по этой части произошло нѣкоторое разочарованіе, то и высказывается извѣстное неудовольствіе и слышится ворчаніе на насъ.

Однимъ изъ факторовъ того замѣтнаго одичанія, которое обнаруживается въ настоящее время во Франціи, является несомнѣнно торжество демократіи, т. е. господство численнаго большинства населенія, состоящаго, какъ и вездѣ, изъ невѣждъ и бѣдняковъ и вооруженнаго при этомъ правомъ всеобщей подачи голосовъ, которую Наполеонъ III установилъ окончательно для своихъ личныхъ цѣлей,—впрочемъ, ловко манипулируя ею на практикѣ *).

Исторія парламентаризма во Франціи, — и это нужно отмѣтить съ особенною силою — подобно

*) Если нѣкоторые наши газетные дѣятели увѣряютъ, что «расцвѣтъ Франціи» находится въ зависимости отъ торжества демократіи, выражающагося въ системѣ общей подачи голосовъ, что этимъ фактомъ объясняются, напримѣръ, успѣхъ всемірной выставки 1889 года, развитіе искусствъ и т. п., (но развѣ при Наполеонѣ III въ 1867 г. не было прекрасной выставки и развѣ искусства не процвѣтали при различнѣйшихъ режимахъ?), то такіе взгляды объясняются совершеннымъ непониманіемъ того, что въ означенной странѣ въ дѣйствительности происходитъ. Подобныя заявленія годятся для уличныхъ листковъ послѣдняго сорта, льстящихъ толпѣ, но никакъ не для серьезныхъ изданій, выражающихъ убѣжденія наиболѣе просвѣщенной части общества.

тому, какъ въ Англіи, Голландіи, Бельгіи, Италіи и даже Австріи, представляла блестящія страницы при ограниченномъ избирательномъ цензѣ. Но неудача поражаетъ его тогда, когда онъ опирается на голосованіи всей невѣжественной массы и, при томъ, выбирающей депутатовъ въ палату непосредственно, а не въ двухъ степеняхъ, т. е. избирателей для выбора депутатовъ, какъ могло бы быть. Неизбѣжно слѣдуетъ признать, что политическую свободу охраняютъ образованные и имущіе классы, а не демагоги и пролетаріи, хотя бы послѣдніе и были представлены восхваленнымъ типомъ парижскаго рабочаго.

Въ Германіи вредное дѣйствіе всеобщей подачи голосовъ, независимо отъ особенной психологіи нѣмцевъ, умѣряется тѣмъ, что дѣятельность парламента сосредоточена, главнымъ образомъ, на законодательныхъ функціяхъ, безъ постояннаго и несвоевременнаго вмѣшательства депутатовъ, посредствомъ запросовъ, въ сферу вѣдомства министровъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ Америки исполнительной власти, а въ особенности президенту, представленъ значительный просторъ для дѣятельности самостоятельной, хотя и вполнѣ отвѣтственной. А во Франціи парламентъ, въ которомъ немало неудачниковъ разныхъ профессій, угождающихъ из-

бирательному стаду, парализуетъ правительственный механизмъ и не дастъ энергическимъ и даровитымъ людямъ выдвинуться. Кто не угоденъ толпѣ, которая охотно возводитъ низшихъ и низводитъ высшихъ,—того долой! Проявляется оскудѣніе дарованій, падаетъ даже ораторское искусство, а рядомъ съ этимъ развивается несносная болтовня. Со смерти Тьера не оказалось во Франціи ни одного изъ ряда выдающагося политическаго дѣятеля (Гамбетту мы предоставляемъ хвалить другимъ). Да и то Тьеръ дѣйствовалъ до введенія конституціи 1875 г., превратившей президента въ парадную персону, которая по политическимъ дѣламъ не должна смѣть свое сужденіе имѣть! Тьеръ же былъ своимъ собственнымъ первымъ министромъ, когда онъ освобождалъ отечественную территорію отъ присутствія непріятеля. Практика еще болѣе унизила положеніе президента, чѣмъ то слѣдуетъ по основнымъ законамъ. Конституція предоставляетъ президенту право издать посланіе и разогнать, съ согласія сената, волонтеровъ-политакановъ, засѣдающихъ въ Бурбонскомъ дворцѣ, когда они уже очень расшалятся. Но глава государства и не покушается на подобную мѣру, потому что не чувствуя себя орломъ и пріютившись спокойно въ Елисейскомъ дворцѣ, ему хочется хотя бы годиковъ семь тамъ со всѣми

почестями и удобствами посидѣть, разъ онъ туда совершенно случайно попалъ. Покойный Форъ сталъ наслаждаться упоеніемъ величія, о которомъ онъ никогда не мечталъ. Во Франціи, вообще, не оказывается власти, которая бы на себя совершенно серьезно смотрѣла, въ себя вѣрила и готова была бы въ отношеніяхъ своихъ къ державному народу воспользоваться своими правами до конца. Со времени третьей республики смѣнилось болѣе сорока министерствъ, образованныхъ изъ посредственностей, имѣющихъ столь же мало вѣса у себя дома, какъ и въ остальномъ мірѣ. Проявилась картина полной неустойчивости правительственной власти, невозможности вести послѣдовательную, дальновидную политику, и Франція стала отставать по разнымъ отраслямъ отъ другихъ передовыхъ націй.

Остатки прежняго парламентскаго блеска проявляются еще иногда во французскомъ сенатѣ, который избирается не всею толпою, а особыми избирательными коллегіями. Такъ, пренія, происходившія въ означенномъ учрежденіи по поводу необыкновеннаго законопроекта Дюпюи-Лебрэ о перемѣнѣ судей спеціально для одного дѣла, напомнили блестящіе дни французскаго парламенаризма. Особенно была внушительна рѣчь пожизненнаго сенатора Беранже (такихъ сенаторовъ уже осталось

немного; ихъ было прежде 75 изъ числа 300; теперь же всѣ сенаторы избираются на 9 лѣтъ, и составъ ихъ обновляется по частямъ). Беранже извѣстенъ въ Парижѣ подъ названіемъ «стыдливаго батюшки» (père-lapudeur) вслѣдствіе борьбы своей съ порнографіею и всякаго рода безстыдствомъ. Онъ былъ, именно, въ своей роли, громя вышеупомянутый законопроектъ...

Рядомъ съ пониженіемъ общаго политическаго тона торжество ультрадемократіи во Франціи повлекло за собою и ухудшеніе финансоваго положенія. Государственный долгъ возросъ необыкновенно,—а, именно, лишь съ 1881 г. по 1892 г. на пять милліардовъ франковъ, т. е. на сумму, равную заплаченной нѣмцамъ послѣ войны *). Казалось-бы, что особенная бережливость должна проявляться, когда власть находится въ рукахъ представителей плательщиковъ налоговъ, а выходитъ наоборотъ, вслѣдствіе несообразительности и непредусмотрительности политикановъ средняго разряда. Значительное число депутатовъ, по словамъ Léon Say, уподобляются «агентамъ-подстрекателямъ къ непроизводительнымъ расходамъ», такъ какъ они хлопочутъ только о томъ, какъ-бы доставить возможно бо́льшему

*) Leroy-Beaulieu. La science des finances.

числу избирателей своихъ казенное жалованье и всякаго рода поддержку на счетъ казны или какъ-бы добиться для своихъ избирательныхъ округовъ изъ общегосударственныхъ средствъ всякихъ сооруженій, общественныхъ работъ и т. п. Крайняя централизація, отсутствіе самостоятельныхъ земскихъ учрежденій, заботящихся о мѣстныхъ нуждахъ, — безъ чего не можетъ быть нормальной функціональной дѣятельности оконечностей и центра, — влечетъ за собою то, что всѣ аппетиты устремляются къ Парижу, который самъ не знаетъ, куда и на что онъ разсыпаетъ деньги по странѣ.

И обнаруживается тотъ странный феноменъ что въ то время, какъ французъ индивидуально крайне разсчетливъ, чуть-ли не скупъ, бережливъ, предусмотрителенъ, прекрасно ведетъ свои собственрыя дѣла, въ то время, какъ вся нація дѣлаетъ ежегодно сбереженій до двухъ милліардовъ франковъ, — они же, собравшись въ палату въ качествѣ депутатовъ, совсѣмъ не по хозяйски распоряжаются общественными деньгами. Отсюда происходитъ то, что отъ времени до времени возникаютъ предположенія объ измѣненіи конституціи въ томъ смыслѣ, чтобы депутаты были лишены права предлагать установленіе новыхъ налоговъ и расходовъ, какъ, напримѣръ, недавно предложено

было тремя стами изъ нихъ увеличить ихъ собственное содержаніе съ 9,000 до 15,000 франковъ *) и чтобы это право было оставлено, подобно какъ въ Англіи, только за правительствомъ. Обязанность палаты депутатовъ, — присовокупляютъ, — заключается существенно въ томъ, чтобы ограничивать расходы, контролировать, а не увеличивать ихъ.

Разумѣется, такая система можетъ держаться безъ крайняго вреда лишь при существованіи рядомъ съ нею превосходныхъ личныхъ качествъ у французскаго народа, о которыхъ мы говорили выше: даровитости, чрезвычайнаго трудолюбія и славныхъ традицій прошлаго.

Только въ связи съ господствомъ толпы и зависимостью отъ нея правящихъ сферъ дрейфусовскій скандалъ могъ принять тѣ размѣры, которымъ онъ удивилъ міръ. Подготовку для этого скандала доставила антисемитская кампанія, которая ведется уже нѣсколько лѣтъ проходимцами всякаго рода. Антисемитизмъ есть ничто иное, какъ видъ соціалистической агитаціи,—притомъ одна изъ вреднѣйшихъ формъ этой агитаціи. Это не то, что стремленіе отыскать средства къ улучшенію

*) Предложеніе объ увеличеніи содержанія депутатамъ провалилось.

быта обездоленнаго рабочаго люда, къ доставленію представителямъ труда болѣе справедливаго удѣла въ богатствахъ, производимыхъ при ихъ участіи. Нѣтъ, это—возбужденіе ненависти и зависти неимущихъ противъ имущихъ, мало имущихъ противъ богатыхъ. И все это прикрыто личиною безкорыстія и желанія защитить, будто бы, бѣдняковъ отъ кровопійцевъ. Тамъ, гдѣ полиція схватила бы за воротникъ того, кто сталъ бы вопить громогласно: «долой собственниковъ! долой капиталистовъ!» можно съ апломбомъ прокричать «долой евреевъ!» и, притомъ, прослыть за весьма благонамѣреннаго человѣка. Даже нѣкоторые состоятельные люди готовы пристать къ такого рода соціализму. Такъ, напр., нѣкоторые владѣльцы помѣстій, —видя постепенный упадокъ своихъ доходовъ и вліянія, а рядомъ съ этимъ возрастающую силу капитала, не прочь излить свое негодованіе въ проклятіяхъ по адресу еврейства. Не прочь покричать въ унисонъ съ упомянутыми владѣльцами помѣстій и разные торгаши, даже литературные, желающіе устранить конкурентовъ... Словомъ, еврей—тотъ призракъ, которымъ пугаютъ всякаго, кто завидуетъ силѣ денегъ и въ комъ можно возбудить дремлющіе фанатизмъ и племенную вражду.

Какъ только стало извѣстно въ Парижѣ, что

возбужденъ вопросъ о признаніи судебною ошибкою осужденіе, которому подвергся офицеръ-еврей, приговоренный военнымъ судомъ за государственную измѣну съ нарушеніемъ существенныхъ формъ процесса, тотчасъ же антисемиты и шовинисты поняли, какъ имъ слѣдуетъ поступать. Для еврея не должно существовать правосудія, и ничего нѣтъ легче, какъ съ именемъ еврея связать представленіе объ обманѣ, объ измѣнѣ и возбудить народныя страсти. Въ одинъ мигъ явилась басня о «нѣмецко-іудейскомъ синдикатѣ», стремящемся освободить осужденнаго посредствомъ колоссальныхъ взятокъ, о «заговорѣ дрейфусаровъ», о посылкѣ дрейфусарами огромныхъ суммъ черезъ границу Франціи для пополненія кассы синдиката и, наконецъ, о подкупѣ сторонниками Дрейфуса,—въ сообществѣ на этотъ разъ съ англичанами, — уже всей Европы.

Среди французскаго общества оказались сотни тысячъ людей, которые такимъ баснямъ повѣрили. Извѣстно, какую важную роль играла легенда о синдикатѣ при послѣднихъ выборахъ въ палату депутатовъ, происходившихъ въ маѣ прошлаго года. Вотъ, напримѣръ, какъ закончилъ свое воззваніе къ избирателямъ теперешній министръ юстиціи Лебрэ, который оказался охрипшимъ (совершенно

понятная затрудненность рѣчи!), когда ему пришлось давать объясненія по поводу неотразимыхъ доказательствъ подложности уликъ, послужившихъ къ осужденію Дрейфуса:

«Je reprouve hautement la campagne infâme menée en faveur du traître par un syndicat de sans-patrie. Vive l'armée! vive la république!»

Французская пресса, которая не придерживается начала, столь строго соблюдаемаго англійской,—не высказывать сужденій о существѣ судебнаго дѣла, пока оно не рѣшено,—жадно набросилась на драгоцѣнный для нея матеріалъ, завидѣвъ возможность разжечь пожаръ, поднять бурю и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нажить деньги. Газеты раздѣлились на враждебные лагери по такому вопросу, гдѣ у всѣхъ должна была бы существовать одна цѣль—способствовать раскрытію истины и обнаружить дѣйствительно виновныхъ въ злоупотребленіяхъ. Обломки же павшихъ политическихъ партій,—имперіалисты, буланжисты, орлеанисты,—съ своей стороны, усмотрѣли случай вызвать анархію, а за нею—реакцію и, быть можетъ, всплыть самимъ...

Въ первомъ ряду, конечно, оказалась парижская печать. Нѣтъ въ мірѣ, кажется, печати хуже парижской,—менѣе освѣдомленной и болѣе развращенной, болѣе продажной и вздорной съ тѣхъ

поръ, въ особенности, какъ она все болѣе и болѣе демократизируется и дешевѣетъ, съ тѣхъ поръ, какъ газеты въ одинъ су (менѣе 2 коп.) давятъ тѣ, которыя продаются втрое дороже, и то недорого, за три су (6 коп.), предназначаясь, такъ сказать, для лучшей публики.

Паденіе газетъ послѣдняго разряда и, въ особенности, тѣхъ изъ нихъ, которыя въ связи съ дѣломъ Дрейфуса стараются говорить благоразумно, не придерживаясь ни того, ни другого изъ крайнихъ направленій,—очевидное. Такъ, акціи газеты «Figaro», которыя въ мартѣ 1897 года котировались на парижской биржѣ въ 1,075 фр., стоили черезъ годъ 975 фр., а теперь отдаются за 710—700 фр., несмотря на то, что маленькія передовыя статьи, очень мѣткія и живыя, пишетъ ежедневно Корнели, публицистъ крайне способный, бывшій редакторъ легитимистическаго органа «Clairon», который слыветъ въ Парижѣ реакціонеромъ и о которомъ можно только сказать: дай Богъ побольше подобныхъ реакціонеровъ. Дивидендъ въ 50 фр. продолжаетъ выплачиваться администраціею газеты изъ резервнаго фонда, чтобы не уронить совсѣмъ цѣны акцій. Замѣчательно, что послѣ объявленія резолюціи соединеннаго присутствія кассаціоннаго суда объ оставленіи безъ послѣдствій отвода, предъявлен-

наго г-жею Дрейфусъ противъ трехъ членовъ этого суда, акціи «Фигаро», въ виду возникшаго предположенія, что дѣло Дрейфуса будетъ проиграно, разомъ понизились на 40 франковъ. Порнографическій органъ, извѣстный «Gil Blas», стоящій 3 су, задавленъ газетами того же направленія: «Journal» и «Echo de Paris» въ одинъ су, на послѣдней страницѣ которыхъ встрѣчаются объявленія объ одинокихъ дѣвицахъ, ищущихъ покровителей, объ офицерахъ резерва, отдающихъ себя, въ ожиданіи военныхъ событій, въ распоряженіе богатыхъ вдовъ и т. п. Этотъ же «Echo de Paris» сталъ офиціознымъ органомъ главнаго штаба со времени процесса Зола и принялъ въ число сотрудниковъ бѣглеца изъ судебнаго вѣдомства, извѣстнаго Кенэ-де-Борепэра, обезсмертившаго себя подглядываніемъ въ щели и подслушиваніемъ подъ дверьми для обличенія своихъ коллегъ, заподозрѣнныхъ имъ въ желаніи раскрыть правду по дѣлу Дрейфуса. Названная газета, обязавшись платить почтенному Кенэ де-Борепэру огромный гонораръ за его «разоблаченія», удвоила свой тиражъ. Однако, въ концѣ концовъ, произошло разочарованіе. «Бульонъ», возвращаемый ежедневно въ контору редакціи «Echo de Paris», оказался значительнымъ. Подъ именемъ «бульона»

разумѣютъ на парижскомъ жаргонѣ непроданные въ кіоскахъ нумера, которые газеты принимаютъ обратно.

Въ числѣ антисемитовъ, выдвинувшихся въ печати въ качествѣ ярыхъ противниковъ «ревизіи», оказались и евреи. Таковы: Эллисенъ, администраторъ газеты «Petit Journal», имѣющей наибольшее число читателей изъ всѣхъ издающихся въ мірѣ газетъ (около 1 милліона), Артюръ Майеръ, редакторъ «Gaulois», Поллонэ (Pollonais), редакторъ «Soir», и Клотцъ, редакторъ «Voltaire», онъ же депутатъ. Изъ названныхъ лицъ особеннаго вниманія заслуживаетъ Arthur Mayer. Карьера его поистинѣ завидная! Начавъ со скромнаго положенія, соотвѣтствующаго занятіямъ лакея при увеселительныхъ заведеніяхъ и пріобрѣтя, когда онъ состоялъ «личнымъ секретаремъ» одной извѣстной львицы полусвѣта, сильныя связи; познакомившись въ салонѣ ея съ министрами, биржевиками и спортсмэнами, названный еврей, по направленію, которое онъ сумѣлъ дать своему изданію, сдѣлался выразителемъ чувствъ и мыслей тонкаго цвѣта парижской аристократіи, опорою генеральнаго штаба арміи и любимцемъ католическаго духовенства.

По отношенію къ дѣлу Дрейфуса парижскія газеты могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе разряды:

За Дрейфуса: «Siècle», подъ редакціею Ивъ Гюйо (печатается приблизительно въ числѣ до 30 тысячъ экземпляровъ),—газета солидная, но тяжелая; «Droits de l'homme»; основана семействомъ Дрейфуса (то же количество, какъ говорятъ, а, вѣроятно, меньше); «Aurore» (болѣе 100 тыс.) съ сотрудничествомъ Клемансо и Юрбенъ Гойе (послѣдній—одинъ изъ самыхъ живыхъ и талантливыхъ современныхъ газетныхъ дѣятелей — недавно судился за свою книгу «l'Armée contre la nation»; оправданъ присяжными); «Petite République» (болѣе 100 тыс.) съ Жоресомъ, бывшимъ профессоромъ университета, очень способнымъ соціалистическимъ ораторомъ; «Radical» (до 80 т.), «Journal de Peuple» (до 30 тыс.) съ Себастіаномъ Формъ, крайнимъ радикаломъ, «XIX Siècle» (30 тыс.), «Rappel» (50 тыс.), «Grande Bataille» (неизвѣстно число), «Cloche» съ Вальдекъ Руссо, сенаторомъ (до 10 тыс.), «Signal», издаваемый протестантами (менѣе 10 тыс.), возбуждаетъ скуку длинными разсужденіями.

Кстати сказать: къ числу самыхъ убѣжденныхъ сторонниковъ Дрейфуса относятся французскіе протестанты. Это—люди дѣловые, серьезные, корректные, но нѣсколько важные и скучные. Имъ недостаетъ, именно, той милой игривости разговора, той скептической шутливости мысли, которыя насъ

такъ воодушевляютъ, когда мы находимся въ обществѣ французовъ того и другого пола.

Изъ названныхъ газетъ «Siècle» продается за 2 су, остальныя за 1.

«Siècle», «Aurore», «Petite République», Radical», —акціонерныя предпріятія, финансы которыхъ значительно поправились съ возникновенія дѣла Дрейфуса. «Aurore» на немъ сдѣлала карьеру.

Противъ Дрейфуса дѣйствуютъ:

«Libre Parole» (болѣе 150 тыс. экз.) подъ редакціею Дрюмона, сильнаго полемиста, иниціатора антисемитизма и горячаго сторонника мнимопатріотическаго и шовинистическаго движенія, автора книги «Le France juive». (Дрюмонъ по вліянію — нѣчто вродѣ французскаго Каткова). «Intransigeant» (говорятъ до 120 тысячъ) подъ редакціею Рошфора, политическаго паяца, выругавшагося изъ ума, любимое чтеніе извозчиковъ въ ожиданіи сѣдоковъ, швейцаровъ и кабатчиковъ; «Journal», читаемый всѣмъ полусвѣтомъ (150 — 160 тыс.); «Patrie» (50—60 тыс.) подъ редакціею Мильвуа, извѣстнаго своею умственною ограниченностью; «Petit Journal» (около милліона читателей какъ увѣряетъ редакція, но, вѣроятно, не болѣе 800 т. экземпляровъ); редакторъ его Эрнестъ Жюде, выбранившій Зола «по батюшкѣ», присужденный

за это судомъ къ наказанію, въ качествѣ клеветника, защищавшійся своимъ патріотизмомъ и вынесенный, по его словамъ, изъ суда на рукахъ при восторженныхъ возгласахъ публики: «Vive Judet! vive l'armeé!»

Далѣе, противъ Дрейфуса: Echo de Paris» (80—100 т.); «Gaulois« (до 20 т.); «Soir» мало распространена, выходитъ въ 9 ч. вечера и читается только въ Парижѣ; «Eclair» (до 100 т.), содержитъ много матеріала, получаетъ несомнѣно отъ кого-то большія субсидіи, и клерикальная «La Croix».

Изъ названныхъ изданій «Intransigeant«, «Petit Journal»—акціонерныя предпріятія; «Libre Parole» раздѣлена на паи въ 2,000 франк. Всѣ они продаются за 1 су, кромѣ «Gaulois» и «Soir», стоящихъ по 3 су.

Газеты безпристрастнаго направленія, благопріятно относящіяся къ правамъ Дрейфуса, слѣдующія:

«Petit Parisien» (до 500 т.), конкурентъ «Petit Journal»; «Figaro» (60—70 т.), потерялъ много подписчиковъ вслѣдствіе виляній по дѣлу Дрейфуса; «Temps» (30—40 т.), солиднѣйшая изъ французскихъ газетъ, хотя по дѣлу Панамы была тоже изобличена въ продажности; «Débats» (15—20 т.); «Matin» (40—50 т.); «Autorité» (до 80 т.), ор-

ганъ бонапартиста Кассаньяка, не враждебенъ пересмотру, несмотря на постоянныя восхваленія арміи; «Liberté» (число неизвѣстно), «Courrier du Soir» мало читается, появляется въ 10 ч. веч. Изъ нихъ «Figaro», «Temps» стоятъ 3 су, «Débats»—2 су.

Кромѣ того, имѣются газеты чисто антисемитскаго направленія, какъ-то: «Anti-Juif de Paris», «Express Algérien», «Nouvel Anti-Juif Algérien» и друг.

Такса для объявленій сообразуется съ распространенностью газеты. Такъ, за объявленіе, стоящее въ «Temps» 6 франковъ, въ «Figaro»—10 франковъ, платится въ «Petit Journal» 35 франковъ *).

Не будь всего этого газетнаго шума,—конечно, дрейфусовскій скандалъ не обратилъ бы на себя вниманіе всего міра. Но справедливость требуетъ, съ другой стороны, признать, что, въ виду нравственнаго безсилія французскихъ правительственныхъ дѣятелей, штатскихъ и военныхъ, безъ этой кутерьмы все осталось бы шитымъ и крытымъ. И если, въ концѣ-концовъ, правда восторжествуетъ,—въ чемъ пишущій эти строки

*) Редакціи парижскихъ газетъ скрываютъ число печатаемыхъ ими экземпляровъ или преувеличиваютъ его, а потому собрать приведенныя свѣдѣнія было не легко.

сильно сомнѣвается,—то приписать это придется вліянію широкой гласности и, кромѣ того, безкорыстной и самоотверженной дѣятельности нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, рѣшившихся плыть противъ теченія, а уже никакъ не фондамъ «еврейской плутократіи».

Богатые евреи относятся къ дѣлу Дрейфуса или враждебно, или нейтрально, такъ какъ они всего болѣе заботятся о цѣлости своихъ капиталовъ и ненарушимости существующаго порядка. Средніе же и мелкіе евреи, разумѣется,—за Дрейфуса. И это очень понятно. Стоитъ только вспомнить слѣдующую тираду изъ «Венеціанскаго купца» Шекспира:

«Шейлокъ. Онъ ругался надо мною... ругалъ мой народъ... охлаждалъ моихъ друзей, разгорячилъ моихъ враговъ—и все это за что? За то, что я—жидъ. Да развѣ у жида нѣтъ рукъ, органовъ чувствъ, привязанности, страстей? Развѣ онъ не ѣстъ ту же пищу, что и христіанинъ? Развѣ онъ не ранитъ себя тѣмъ же оружіемъ и подверженъ не тѣмъ же болѣзнямъ?.. Когда вы насъ колете, развѣ изъ насъ не идетъ кровь?.. Когда вы насъ щекочете, развѣ мы не смѣемся? Когда вы насъ отравляете, развѣ мы не умираемъ, а когда вы насъ оскорбляете, развѣ мы не отомщаемъ?»...

Когда антисемиты завопили, что подѣломъ Дрейфусу, потому что онъ—еврей, что жену его не слѣдуетъ допускать къ нему въ ссылкѣ—чего, кажется, нигдѣ въ мірѣ не дѣлается,—потому что она еврейка (Дрюмонъ),—что французскихъ женщинъ, покупающихъ товаръ въ еврейскихъ лавкахъ, надлежитъ сѣчь розгами (Anti-Juif Algérien); когда стала происходить ежечасная травля, то, понятно, какія чувства зародились.

Изъ, такъ называемыхъ, дрейфусаровъ—оставляя въ сторонѣ газетныхъ дѣятелей этого направленія, равно какъ и противоположнаго—кто и чѣмъ воспользовался? Зола лишился отечества и популярности. Адвокатъ Лабори потерялъ значительную часть своей кліентели, ничего не получивъ отъ Зола, такъ какъ самъ отказался отъ гонорара, знаменитый же романистъ, который не любитъ безъ нужды вынимать деньги изъ кармана, не противился благородному порыву своего защитника и друга... Сенаторъ Шереръ-Кестнеръ не былъ избранъ вновь вице-президентомъ сената, несмотря на то, что онъ—человѣкъ, извѣстный своею просвѣщенной дѣятельностью въ Мюльгаузенѣ на пользу рабочихъ и, притомъ, очень состоятельный. Трарье, бывшій министръ юстиціи,—въ совершенномъ загонѣ и едва-ли будетъ избранъ въ сена-

торы при слѣдующихъ выборахъ. Клемансо, Жоресъ, Рейнахъ лишились званія депутата, не попавъ въ палату при выборахъ.

Оберъ-прокурора кассаціоннаго суда, Мано, нельзя, конечно, причислить къ дрейфусарамъ. Онъ только строго и нелицепріятно исполняетъ свои служебныя обязанности. Принадлежа къ типу людей, которыхъ когда-то у насъ называли людьми сороковыхъ годовъ, онъ чистъ какъ кристаллъ при своихъ либеральныхъ, но нѣсколько отвлеченныхъ убѣжденіяхъ,—съ горячей юношеской душою, несмотря на то, что ему за 70 лѣтъ. Послѣ государственнаго переворота 2 декабря Наполеонъ III его куда-то запряталъ и во все время имперіи онъ жаждалъ республики, какъ идеальнаго состоянія. Между тѣмъ, какою бранью его въ этой республикѣ осыпаютъ, подобно тому, какъ и другихъ судебныхъ дѣятелей, и академиковъ, и писателей, и ученыхъ! Всѣ теперь во Франціи равны передъ уличною бранью. Гдѣ-же признаки синдиката?—спрашиваемъ мы.

Конечно, нельзя издавать газеты, разсылать прокламаціи, выбивать медали, нанимать залы для собраній безъ денегъ. Но всѣ партіи на это тратятся! И сторонники пересмотра, или точнѣе противники шовинизма и безотвѣтственности

какой-либо власти, не обладаютъ бо̀льшими средствами, чѣмъ тѣ группы, противъ которыхъ они борятся. А шовинисты ловко заняли позицію рядомъ съ антисемитами. Когда нѣкоторые военные начальники, обвиняемые въ неправильностяхъ, ставъ въ позу, напоминающую маршаловъ Наполеона I, воскликнули: «армія—это мы!», хотя говорилось о нихъ, а объ арміи, вообще, рѣчи не было, то шовинисты подхватили такъ громко этотъ кличъ, что встрепенулся весь державный народъ, и эффектъ былъ достигнутъ. Дрейфусовская эпопея доказываетъ, какъ опасно попирать начала вѣковой цивилизаціи подъ предлогомъ, будто бы, государственной пользы (raison d'état) и слѣдовать за націоналистами новѣйшей формаціи и лжепатріотами разныхъ наименованій, выражающими свою мнимую любовь къ отечеству травлею иноплеменныхъ и иновѣрческихъ элементовъ, взывающими къ ненависти, порождающими смуту и накопляющими въ государствѣ огромные запасы неудовольствія противъ существующаго порядка.

Приведенныя статьи вызвали, между прочимъ въ парижской печати слѣдующій отзывъ.

«Le jurisconsulte russe dont on connaît déjà en France la campagne en faveur de la justice, M. Ignace Zakrewski, publie aujourd'hui, dans les *Novosty*, une série d'études qui n'est autre chose que l'historique, dans ses grandes lignes, de l'Affaire Dreyfus. Dans les articles du même auteur de la *Gazette juridique* de Saint-Pétersbourg, articles qui ont eu un si grand retentissement et dont le *Siècle* a donné, en son temps, un résumé complet, c'est le côté purement juridique de l'Affaire qui a été étudié. Aujourd'hui, M. Zakrewski s'occupe principalement de l'Affaire au point de vue social. Ces études portent le titre géneral de: La société française et l'Affaire Dreyfus. La logique impeccable, les raisonnements sains et le jugement sûr du magistrat humanitaire du grand pays du Nord nous font un devoir de faire connaître à nos lecteurs, en substance du moins, ce nouveau travail, qui, par le temps qui court, est un acte de courage de plus à l'actif de son auteur.

Sous le couvert de l'affaire Dreyfus, dit M. Zakrewski, ce sont d'autres instincts, d'autres passions qui s'agitent. C'est la lutte qui continue, la lutte du Passé et de l'Avenir, la lutte des formes sociales qui ont vécu avec celles qui s'approchent. Et comme cela

arrive dans tout combat, à côté des tendances abstraites, idéales, se manifestent des ambitions personnelles et toutes sortes d'appétits grossiers inhérents à la nature humaine.

N'est-ce pas, que ces lignes semblent écrites pour la circonstance actuelle, le fait d'hier?

M. Zakrewski parle ensuite du rôle de la presse dans l'affaire, non pas assurément de toute la presse, mais d'une certaine partie de cette presse.

Il est impossible, dit l'auteur, de s'imaginer quelque chose de plus vil, de plus répugnant, de plus dénué de scrupules et de conscience que cette presse. C'est le plus bas degré auquel puisse descendre une presse dans une société démocratique. L'injure grossière, la calomnie accumulées sur les institutions du pays, sur les hommes publics, la recherche ou même tout simplement l'invention des faits déshonorants de leur vie privée, la surexcitation systématique de la foule contre le pouvoir, contre tout ce qui s'élève au-dessus de son niveau; les affirmations incessantes adressées à la même foule qu'elle est volée, pillée, trahie, tout cela se publie tous les jours dans des centaines de milliers d'exemplaires et est immédiatemant enlevé par des lecteurs avides.

Pour une telle presse l'Affaire Dreyfus est parue la comme un véritable trésor à scandales.

Dès le premier jour, continue ensuite M. Zakrewski, quand il fut connu à Paris qu'un officier d'origine juive, attaché à l'Etat-Major général de l'armée, était arrêté sous l'inculpation de haute trahison, divers agitateurs, appartenant à la presse, s'empressèrent de poser deux principes, au nom desquels ils commencèrent leur terrible campagne. Ces deux principes, c'étaient l'*antisémitisme* et le *patriotisme*.

L'auteur explique ensuite ce que c'est que l'antisémitisme et le patriotisme dans la France contemporaine; il retrace ensuite brièvement l'histoire des juifs français au cours de ce siècle. Parlant des mesures prises par le gouvernement de la troisième République pour combattre le cléricalisme, M. Zakrewski arrive finalement à caractériser l'irritation soulevée par ces mesures au sein du clergé catholique.

Est-il besoin, dit M. Zakrewski, de mentionner quelles colères et quels désirs de vengances les mesures de laïcisation ont fait couver dans le clergé français? Déjà longtemps avant cette époque, les papes jetaient feu et flamme contre les libres-penseurs et les francs-maçons, qui leur apparaissaient comme les ennemis de l'Eglise. Mais, depuis une quinzaine d'années, il s'est trouvé des écrivains qui ont pris à tâche de montrer à la société ce que sont les francs-maçons. Le journaliste Drumont, le chef des antisé-

mites, le directeur de la *Libre Parole,* et avec lui les publicistes de sacristie, les Pères de l'Assomption, fondèrent les nombreuses *Croix* pour défendre les principes du cléricalisme dans leurs formes primitives de fanatisme et d'intolérance. Ces Pères s'empressèrent de présenter au peuple une explication simpliste, accessible à tous. Tous ces francs-maçons, tous ces ennemis du christianisme, tous ces persécuteurs de l'Eglise ne sont autres que les juifs. Quoi de plus simple?

La foule ne comprend pas les principes abstraits si on ne les lui représente sous la forme concrète des personnes ou des groupements humains.

L'auteur montre ensuite comment de cet antisémitisme naquit et se développa l'Affaire».

(Siècle. 16 janvier, 1899).

IX.

Письмо къ редактору лондонской газеты «Times», появившееся въ нумерѣ отъ 9/21 сентября 1899 г.

«Monsieur,

Puisque j'ai été, parmi les étrangers,—malgré toute l'amabilité que les Français témoignent à mes compatriotes depuis un certain nombre d'années,—un de ceux qui se sont empressés d'exprimer, dés le début, tout le dégoût que leur inspiraient le fanatisme et la férocité qui se sont fait jour en France au sujet de l'affaire Dreyfus, qu'il me soit permis de dire encore quelques mots au moment où cette affaire est arrivée à sa dernière étape.

Quelle est la conclusion à tirer du spectacle inouï auquel nous avons assisté?

Cette conclusion, selon moi, la voici: c'est que la société moderne française est définitivement déchue du rang qu'elle occupait parmi les peuples les plus civilisés.

Là où le sentiment de justice est atrophié par l'intensité des passions politiques et religieuses, doublées d'une vanité nationale monstrueuse qui se fait passer pour du patriotisme, là, dis-je, il n'y a plus de place pour les éléments moraux indispensables à une société bien ordonnée.

Et qu'on ne dise pas que ce sont les cinq officiers de Rennes et leurs chefs dont ils ont suivi les inspirations qui sont les seuls coupables des actes révoltants d'iniquité qui ont indigné le monde entier. Non, il faut reconnaitre, en vérité, que c'est la grande majorité de la nation française, ce sont ceux dans son sein qui savent, lisent, jugent, votent, ce sont eux qui ont été les vrais inspirateurs, c'est leur esprit qui s'est traduit dans la fameuse sentence de Rennes.

On se récriera contre moi en disant: «Et les intellectuels? et ceux qui luttent si vaillamment pour la justice et la vérité?»

Mais ceux-là, répondrais-je, ne sont qu'une infime minorité surnageant sur une mer de stupidité, de vanité et de brutalité.

Voyez—pour choisir un exemple entre mille—comment parlent les Casimir-Perier, les Freycinet, quand ils sont appelés à témoigner, à dire toute la vérité—et ces messieurs sont cependant des hommes d'Etat, ils appartiennent à la crème de la société... Au lieu

de faire pleine lumière sur des faits d'une importance majeure, ils louvoient, ils parlent en sphynx, ils pensent surtout à eux-mêmes, ils tâchent de ne pas faire baisser leurs fonds aux yeux du grand auditoire que représente le pays qui les écoute. Quels beaux caractères, quels vrais Romains que ces hommes d'Etat français et quel superbe auditoire que celui dont ils tâchent d'éviter la désapprobation!

Oui, décidément, la grande nation qui prétend tenir en main le flambeau de la civilisation et en éclairer les voies du monde a bien baissé!

Ne pouvant se résigner par vanité, par avidité de prestige à reconnaitre ce qu'il y avait d'inéluctable, de juste dans les défaites et le démembrement qui lui ont été infligés en 1870—1871, déclamant qu'elle n'acceptera jamais comme définitive la position qui lui est faite par le traité de Francfort, «blaguant», sans coup férir, de «revendications», «d'espérances», elle a relâché, petit à petit, le désarroi politique aidant, les liens séculaires qui l'unissent aux autres nations de l'Occident de l'Europe, avec leurs grandes traditions libérales, et elle s'est laissée choir amoureusement dans les bras de la Russie, d'un pays qui représente et pratique plus que jamais des principes qui sont diamétralement opposés à ceux dont se vante la France. De l'alliance russe elle est arrivée inévitable-

ment, logiquement à l'antisémitisme, à l'antiprotestantisme, à l'oppression des faibles, à la recrudescence du caporalisme et finalement à l'affaire Dreyfus couronnée par la procédure de Rennes.

Eh bien, laissons-la, cette douce France, à ses grands chefs militaires qui sont aussi célèbres par les victoires qu'on a remportées sur eux que par les faux et autres infamies qu'ils ont commis, à son clergé qui fait luire à ses yeux fascinés les flammes de la Saint-Barthélemy, à sa presse immonde qui charrie des flots d'injures et de mensonges, à ses superbes partiotes, à ses glorieux nationalistes qui vocifèrent la haine contre l'étrange et hurlent de revanche sans bouger de place.

Disons-lui franchement, amicalement, en lui serrant bien fortement la main, que tout ce qui se passe chez elle ne soulève à l'étranger que des nausées.

Abandonnons-la quelque temps à elle-même, qu'elle se recueille, qu'elle arrange un peu mieux ses propres affaires, qu'elle devienne plus convenable. Surtout ne nous empressons pas trop d'aller a sa grande Exposition de l'an prochain, car nous pourrions nous y trouver dans une position très délicate. Nous entendrons assurément, comme d'habitude, des phrases ronflantes sur le progrès, la liberté, la justice, et sur le rôle de la France dans tout cela. Que ferons-nous

alors? Il est souverainement impoli de rire à la face de ses hôtes. Et sommes-nous bien sûrs de pouvoir nous retenir d'un grand accès d'hilarité, fût-il mêlé d'amertume?

Agréez, monsieur, l'expression de ma haute considération.

J. Zakrevsky.

Переводъ:

«Милостивый Государь,

Такъ какъ я былъ между иностранцами,—несмотря на все вниманіе, оказываемое французами въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ моимъ соотечественникамъ—однимъ изъ тѣхъ, которые поспѣшили выразить на первыхъ же порахъ все отвращеніе которое въ нихъ возбудили фанатизмъ и жестокость, проявившіеся во Франціи въ связи съ дѣломъ Дрейфуса да позволено мнѣ будетъ сказать еще нѣсколько словъ въ ту минуту, когда это дѣло дошло до развязки.

Къ какому-же выводу приводитъ насъ то невѣроятное зрѣлище, при которомъ намъ суждено было присутствовать? Выводъ этотъ, по мнѣнію моему, вотъ какой: современное французское общество окончательно спустилось съ того положенія, которое оно занимало среди народовъ наиболѣе просвѣщенныхъ.

Тамъ, гдѣ чувство справедливости замерло отъ разгула политическихъ и религіозныхъ страстей, слившихся съ чудовищнымъ національнымъ тщеславіемъ, которое выдастъ себя

за патріотизмъ, тамъ естественно глохнутъ и прочія нравственныя начала, безъ которыхъ немыслимо благоустроенное общество.

И пусть не говорятъ, что только пять офицеровъ въ городѣ Реннѣ съ начальниками своими, внушеніямъ которыхъ они послѣдовали,—что они единственные виновники вопіющаго неправосудія, возбудившаго негодованіе всего міра. Нѣтъ, нужно признать по правдѣ, что огромное большинство французскаго народа, что тѣ изъ его среды, которые знаютъ, читаютъ, судятъ, выбираютъ,—что они были настоящими вдохновителями, что ихъ духъ сказался въ знаменитомъ ренскомъ приговорѣ.

Противъ меня, конечно, возопіютъ. «А интеллигенція?» скажутъ. «А тѣ, которые такъ мужественно борятся за справедливость и за правду?»...

Но они-то,—отвѣчу я,—составляютъ незначительное меньшинство, всплывающее надъ цѣлымъ моремъ глупости, тщеславія и грубости.

Прислушайтесь—останавливаясь на одномъ примѣрѣ изъ тысячи другихъ—что говорятъ эти Казиміръ Перье, эти Фрейсинэ, когда ихъ допрашиваютъ въ качествѣ свидѣтелей для установленія истины. А однако господа эти—государственные мужи, принадлежащіе къ сливкамъ общества. Вмѣсто того, чтобы проливать свѣтъ на обстоятельства величайшей важности, они виляютъ, они вѣщаютъ загадочнымъ языкомъ, а помышленія ихъ всѣ направлены къ тому только, чтобы не уронить своихъ фондовъ передъ многочисленною аудиторіею, представляемою страною, внимающею ихъ словамъ.

Что за чудныя личности, что за истые римляне эти французскіе государственные люди и что за великолѣпная аудиторія та, неодобренія которой они стараются избѣжать!

Да, дѣйствительно, сильно опустился великій народъ.

*

мнившій, что держитъ въ рукахъ факелъ цивилизаціи и что освѣщаетъ имъ пути міра!

Не будучи въ силахъ, изъ тщеславія, изъ страсти къ блеску, сознаться въ томъ, насколько были неизбѣжны и справедливы пораженія и разчлененіе, постигшія его въ 1870—1871 годахъ, провозглашая, что онъ никогда не признаетъ за окончательное положеніе, созданное для него франкфуртскимъ договоромъ, болтая и не шевеля, приэтомъ, пальцемъ, о «требованіяхъ возврата», о «надеждахъ» своихъ, — этотъ народъ, послѣ постепеннаго ослабленія, подъ вліяніемъ содѣйствовавшей тому политической неурядицы, вѣковыхъ связей своихъ съ западными народами и ихъ великими либеральными традиціями, страстно бросился въ объятія Россіи, страны, которая олицетворяетъ собою и примѣняетъ на дѣлѣ болѣе чѣмъ когда либо начала діаметрально противоположныя тѣмъ, которыми чванится Франція. За русскимъ союзомъ послѣдовали неизбѣжно, логически, антисемитизмъ, антипротестантизмъ, притѣсненіе слабыхъ, усиленіе бурбонства и, наконецъ,—дѣло Дрейфуса, увѣнчанное ренскимъ производствомъ.

Оставимъ же эту милую Францію съ ея великими военными вождями, столь же славными, одержанными надъ ними побѣдами, сколько подлогами и другими гнусностями, ими совершонными,—съ ея духовенствомъ, разжигающимъ передъ ея ослѣпленными взорами огни Варѳоломейской ночи,—съ ея грязною прессою, проносящей волны брани и лжи,—съ ея величественными патріотами,—съ ея славными націоналистами, которые изрыгаютъ вопли ненависти противъ иноземцевъ и ревутъ о возмездіи, не двигаясь съ мѣста.

Скажемъ ей откровенно, по дружески, крѣпко пожимая ей руку, что происходящее въ ней возбуждаетъ за ея границами—тошноту.

Предоставимъ ее на нѣкоторое время самой себѣ. Пусть она сосредоточится, пусть лучше устроитъ свои собственныя дѣла, пусть станетъ болѣе пристойною. Въ особенности не станемъ слишкомъ торопиться въ будущемъ году поѣздкою на ея славную выставку, такъ какъ мы можемъ оказаться тамъ въ крайне щекотливомъ положеніи. Намъ придется услышать, по обыкновенію, трескучія фразы о прогрессѣ, о свободѣ, о справедливости и о роли Франціи во всемъ этомъ. Какъ же мы тогда поступимъ? Въ высшей степени невѣжливо хохотать въ лицо хозяевамъ своимъ. А увѣрены-ли мы въ томъ, что будемъ въ состояніи удержаться отъ сильнаго припадка смѣха, хотя бы къ нему и примѣшалось чувство горечи?

Примите увѣреніе» и т. д.

По поводу нѣсколькихъ строкъ настоящаго письма, тѣхъ именно, въ которыхъ упоминается о Россіи, появилась въ двухъ англійскихъ газетахъ, а именно въ издающейся въ Лондонѣ Morning Post и въ Парижѣ Daily Messenger тождественныя отъ слова до слова корреспонденціи, авторъ которыхъ, судя по всѣмъ признакамъ, русскій, ознакомленный съ моею личностью, выставляетъ противъ меня обвиненіе въ томъ, что я въ иностранномъ изданіи «умаляя (belittling) русскую цивилизацію» (какъ ловко придумано это «умаленіе русской цивилизаціи»!), осуждалъ франко-русскій союзъ и допустилъ «нападки на политику русскаго правительства», чего я не долженъ былъ дѣлать, каковы бы ни были мои взгляды на вопросы о винѣ или невиновности Дрейфуса.

Читатели могутъ сами судить, насколько все приведенное неосновательно.

Я о формальномъ русско-французскомъ союзѣ ровно ничего не знаю и нахожусь въ полномъ невѣдѣніи даже относительно того, существуетъ-ли онъ въ дѣйствительности или нѣтъ.

Но что французы искали сближенія съ нами и готовы были прижаться къ сердцу нашему не ради идеи мира и не изъ чистой любви къ намъ, а скорѣе со скрытымъ намѣреніемъ задать «реваншъ», буде окажется возможнымъ, при нашей помощи, и такимъ образомъ, загладить промахи свои и возвратить себѣ то, что они утратили, благодаря своей колоссальной опрометчивости,—это я давно думаю и нѣсколько разъ высказывалъ въ русскихъ статьяхъ своихъ. Однако тутъ нѣтъ ничего обиднаго ни для французскаго, ни для русскаго народовъ, которые въ правѣ, подобно всѣмъ другимъ, руководствоваться, главнымъ образомъ, собственными интересами и собственными представленіями о нихъ.

О русскомъ правительствѣ я вовсе не говорилъ. Да къ тому-же оно, сколько мнѣ извѣстно, никогда не объявляло, что поставило себѣ задачею руководствоваться «великими либеральными традиціями Запада». Напротивъ того, уваженіе къ русской самобытности и охрана ея на дѣлѣ приближается кажется, всего болѣе къ современнымъ правительственнымъ идеаламъ. Гдѣ же тутъ нападки съ моей стороны?

А что основы нашего общественнаго быта, наши взгляды и нравы, во многомъ расходятся и даже прямо противоположны западно-европейскимъ, то это такого рода «труизмъ» который постоянно и громогласно у насъ на всѣ лады повторялся Богъ знаетъ съ какого времени и теперь повторяется. Что же иного говорили и нашли славянофилы и наши западники? Можно бы привести цѣлые томы цитатъ, безконечное число примѣровъ, но я сошлюсь только на одно лицо, особенно авторитетное.

Такъ въ «Московскомъ Сборникѣ», изданномъ К. П. Побѣдоносцевымъ, мы читаемъ слѣдующее:

.... «Въ виду всѣхъ этихъ измѣненій, достигающихъ въ нынѣшней официальной Франціи до отрицанія вѣры и до

насилія надъ церковнымъ вѣрованіемъ, позволительно спросить: можно-ли новѣйшее государство признать государствомъ христіанскимъ?» (стр. 17).

.... «Одно изъ самыхъ вредныхъ политическихъ началъ есть начало народовластія, та, къ сожалѣнію, утвердившаяся со временъ французской революціи идея, что всякая власть исходитъ отъ народа и имѣетъ основаніе въ волѣ народной» (стр. 31).

.... «Любимое, по преимуществу, чтеніе русскаго народа, житія святыхъ, Читья-минея, вся составленная изъ живыхъ образовъ подвига, добродѣтели, нравственнаго совершенства».... (Стр. 142).

Итакъ, въ то время какъ во Франціи отрицается вѣра и возвеличивается народовластіе,—въ Россіи народъ читаетъ Читью-минею и сю воодушевляется. Какой же еще нуженъ контрастъ?

Въ западной сторонѣ мы встрѣчаемъ тоже сходные взгляды на діаметральную противоположность началъ, которую я считалъ необходимымъ оттѣнить, объясняя истинныя, по мнѣнію моему, побужденія Французовъ въ отношеніи къ намъ.

Такъ, французскій историкъ (польскаго происхожденія) Валишевскій въ исторіи своей объ эпохѣ Екатерины II, переходя отъ разбора отношеній Императрицы къ Вольтеру и другимъ философамъ къ современнымъ событіямъ, пишетъ, между прочимъ, слѣдующее:

...La vapeur et l'électricité ont eu beau rapprocher les distances, elles n'ont pas suffi à combler en quelques années l'âbime creusé par le travail des siècles. Une assimilation apparente, et surtout matérielle, de certains éléments de culture a pu se produire entre les surfaces mises désormais en contact continu et régulier;—les fonds sont restés ici et là dissemblables, radicalement impénétrables l'un à l'autre, réfractaires à une prise d'influence plus accentuée. Et c'est pour cela, précisément,

que d'un milieu à l'autre de nouveaux courants d'attraction et de sympathie ont pu se produire, juxtaposant des antagonismes irréductibles d'idées et de principes, sans qu'il en soit resulté autre chose qu'un renouveau de surprise et d'effarement pour quelques spectateurs europeéns. En allant à Saint-Pétersbourg la *Marseillaise* n'a fait que suivre la trace du voyage de Diderot; et pas plus les éclats de la fanfare révolutionnaire qu'autrefois les emportements du fongueux philosophe n'ont fait bouger une pierre sur la perspective de Nevsky»... *Autour d'un trône* p. 175).

(...Паръ и электричество сблизили разстоянія, но не заровняли пропасти, вырытой вѣками. Усвоеніе, болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное, извѣстныхъ элементовъ культуры, преимущественно матеріальныхъ, соединило поверхности, теперь постоянно и правильно соприкасающіяся. Но то, что въ глубинѣ подъ ними таится, то осталось такъ же чуждо другъ другу, такъ же радикально недосягаемо другъ для друга, такъ же враждебно взаимному воздѣйствію, какъ и прежде. И поэтому именно могли зародиться новые токи влеченій и симпатій отъ одной среды къ другой, ставя бокъ-о́-бокъ непримиримую рознь принциповъ и идей, безъ иныхъ послѣдствій для нѣкоторыхъ зрителей изъ европейцевъ, какъ возбужденіе въ нихъ удивленія и недоумѣній. Отправляясь въ Петербургъ, *Марсельеза* шла лишь по слѣду, оставленному поѣздкою Дидеро. Но и звуки революціоннаго напѣва, подобно тому, какъ когда-то горячіе возгласы пылкаго философа, не пошевельнули ни одного камня на мостовой Невскаго проспекта...)

Что же касается до сказаннаго мною относительно появленія разныхъ отрицательныхъ явленій во Франціи послѣ сближенія съ Россіею, то я, устанавливая прежде всего хронологическую связь событій, не могъ, конечно, заявить такой глупости, какою была-бы та, что французы, при разсто-

яніяхъ всякаго рода, насъ вообще раздѣляющихъ, при различіи принцицовъ, о которомъ я только что упомянулъ, при полномъ, поразительномъ даже иногда, незнакомствѣ ихъ съ тѣмъ, что у насъ внутри творится,—что они чѣмъ либо отъ насъ прямо заразились, что нибудь восприняли изъ нашего внутренняго быта.

Не мы, очевидно, породили во Франціи антисемитизмъ и антипротестантизмъ. Не мы подстрекнули толпу и ея руководителей травить, обвинять въ продажности и измѣнѣ отечеству интеллигентное меньшинство. Не мы, заботящіеся объ улучшеніи хода правосудія у себя дома, научили французовъ глумиться надъ нимъ и продѣлать что-либо подобное ренскому производству, при которомъ каждый изъ свидѣтелей произносилъ обвинительную, не идущую къ дѣлу, но разсчитанную на возбужденіе страстей, рѣчь, а нѣкоторые изъ нихъ—нѣсколько такихъ рѣчей, сторонники-же этихъ свидѣтелей пустили въ ходъ револьверъ противъ защитника подсудимаго. Не мы вызвали всю эту невѣроятную пародію надъ судомъ.

Но извѣстныя политическія партіи сами, по собственному почину, возгордились, пришли, такъ сказать, въ бравурное настроеніе, когда увидали, что страна ихъ нашла опору въ далекомъ, мощномъ, самобытномъ царствѣ. Эти то партіи, ставшія вліятельными и многочисленными, вслѣдствіе безпомощности правящихъ сферъ, сумѣвшія задѣть національныя струнки и заступиться по своему за оскорбляемое разными мѣропріятіями религіозное чувство,—они то начали болѣе развязно добиваться всякими средствами цѣлей своихъ. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ играла роль не русская дѣйствительность, какъ она на самомъ дѣлѣ есть, а своеобразное отраженіе ея въ умахъ французовъ, вслѣдствіе особенной психологіи и логики французскаго общества, о которой

я такъ часто говорилъ. (Отсюда слова «неизбѣжно, логически» въ письмѣ моемъ въ «Times»).

Вотъ, что я разумѣлъ, упоминая о нашемъ отечествѣ, а не то, что мнѣ приписалъ указанный выше петербургскій сотрудникъ двухъ англійскихъ изданій.

Представьте себѣ такой случай:

У солиднаго, строгаго, любящаго порядокъ и придерживающагося отцовскихъ преданій дядюшки имѣется довольно безпутный племянникъ. Господинъ этотъ мнимый прогрессистъ, много когда-то болтавшій о благѣ человѣчества, которое онъ намѣревался водворить во всемъ мірѣ, глумившійся надъ убѣжденіями дяди и обвинявшій его въ обскурантизмѣ. Дѣйствія племянника, однако, мало сходились съ его словами. Онъ поддавался всякимъ дурнымъ вліяніямъ и даже два раза, въ сообществѣ наведенныхъ имъ проходимцевъ, дѣлалъ нападенія на домъ дяди. Вслѣдствіе своей безалаберности, племянникъ впалъ въ бѣду, получилъ даже тѣлесныя поврежденія, былъ всѣми оставленъ и чувствовалъ себя униженнымъ и оскорбленнымъ. Но дядя не злопамятенъ; у него явилась мысль поддержать племянника и пріобрѣсти въ немъ, быть можетъ, благодаря его дарованіямъ, полезнаго сотрудника въ дѣлахъ. Дядѣ стоило только подать знакъ и племянникъ страстно бросился ему на шею. Представилась трогательная картина примиренія и сближенія. Однако, оказанная племяннику поддержка только увеличила его самомнѣніе. Натура взяла верхъ. Онъ поддался прежнимъ дурнымъ вліяніямъ, дѣлъ своихъ не улучшилъ, но, напротивъ того, чувствуя опору за собою, сталъ еще развязнѣе и совершилъ рядъ новыхъ безобразій.....

Въ чемъ же тутъ вина дяди?

Поставьте на мѣсто дяди и племянника имена извѣстныхъ странъ и нашъ примѣръ уяснится.

X.

Письмо къ редактору парижской газеты «Siécle», появившееся въ нумерѣ отъ 6/18 октября 1899 г.

Monsieur,

La lettre par trop vive—je m'empresse de le reconnaître—que j'ai écrite à un journal anglais, sous la première impression du verdict de Rennes, a provoqué un si grand nombre de communications personnelles et d'articles de journaux à mon adresse de la part de vos compatriotes, communications et articles rédigés pour la plupart dans un esprit si juste, si sévère pour soi-même et en même temps si amical pour moi, que j'en suis vraiment confondu.

Et ce qui m'a le plus vivement touché, c'est que l'on m'a si bien compris malgré la forme un peu trop bouillante à laquelle je me suis laissé entrainer.

On a vu que cette lettre n'était, au fond, qu'un cri de douleur qui m'était échappé à la vue d'une

flagrante iniquité, d'une douleur d'autant plus poignante que cette iniquité se commettait sur le sol de la France, d'un pays que j'ai toujours tant aimé et auquel le monde entier, selon ma profonde conviction, doit une si grande part des lumières et des libertés qu'il possède.

Oui, évidemment, je ne confonds pas la France des intellectuels, des penseurs, des travailleurs, la France qui agit, qui progresse, qui lutte pour le grand idéal de la justice sociale et de la liberté humaine, avec ces aboyeurs qui excitent les plus basses passions des foules, avec ces bandits de la presse qui empoisonnent par cupidité l'esprit public de leurs mensonges et de leurs calomnies et qui—soit dit en passant—ne pourraient pas exister un jour en Angleterre, où cependant la liberté de parole est entière—car ils seraient anéantis, non pas à coups de fouet, mais à coups de procès, au nom de la loi; ni avec ces aventuriers malfaisants qui rêvent à s'emparer du pouvoir pour remplir leurs poches et livrer plus tard le pays à l'ennemi qu'ils auront bêtement provoqué.

Je ne confonds pas ce qu'il y a de beau, de grand, dans un peuple avec l'écume de la nation qui parvient cependant, grâce à la fermentation qu'elle produit, à troubler les sens de beaucoup d'hésitants et de simples d'esprit.

Il n'y a pas d'habitation humaine sans déchets; il n'y a pas de société sans rebut.

Mais en France—et c'est votre privilège—tout se passe au grand jour et, de là, il résulte forcément que les plaies sociales deviennent plus voyantes.

Dans d'autres pays, au contraire, les reptiles voraces, après s'être rassasiés, se vautrent impnèment dans l'obscurité, profitant des ténèbres.

C'est pour cela que, frappé par l'évidence des faits qu'éclaire une forte lumière, l'étranger porte quelquefois sur les affaires françaises des arrêts trop précipités et qui, par celà même, sont loin d'être équitables, surtout en proportion avec ce qui se passe dans d'autres parties du monde. Puis, encore, vous nous avez donné le droit, par votre glorieux passé, d'être très exigeants à votre égard.

Que ces lignes servent de réponse à ceux qui m'ont honoré de leurs observations, et que ces personnes veuillent bien croire que, malgré quelques révoltes passagères, je n'ai jamais douté un instant des forces intérieures de la France moderne et du grand avenir réservé à votre pays.

Agréez, Monsieur, l'assurance de ma haute considération.

J. Zakrevsky.

Переводъ:

«Милостивый Государь!

Нѣсколько рѣзкое письмо мое—спѣшу въ томъ сознаться—которое я помѣстилъ въ одномъ англійскомъ изданіи, написавъ его подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ ренскаго приговора, вызвало со стороны вашихъ соотечественниковъ столько сообщеній, лично ко мнѣ обращенныхъ, а также посвященныхъ мнѣ газетныхъ статей, причемъ большинство и тѣхъ и другихъ исполнены духомъ безпристрастія съ оттѣнкомъ строгости къ себѣ и дружескаго расположенія ко мнѣ, что я, въ виду всего этого, просто смущенъ.

И меня особенно тронуло то, что я былъ такъ вѣрно понятъ, несмотря на ужъ очень горячую оболочку, въ которую вылилась моя мысль.

Увидѣли ясно, что упомянутое письмо ничто иное, какъ крикъ печали, вырвавшійся изъ груди моей при видѣ вопіющей неправды,—печали тѣмъ болѣе гнетущей, что эта неправда совершилась на французской землѣ, въ странѣ, которая мнѣ всегда была столь дорога и которой міръ, согласно моему глубокому убѣжденію, въ значительной степени обязанъ просвѣщеніемъ своимъ и свободою.

Да, конечно, я не смѣшиваю Францію интеллигентную, представляемую мыслителями и тружениками ея, Францію, которая работаетъ, рвется впередъ, борется за великіе идеалы общественной справедливости и свободы, съ тѣми крикунами, которые разжигаютъ самыя низменныя страсти толпы, съ тѣми разбойниками печати, которые, ради корыстныхъ цѣлей своихъ, отравляютъ общественное мнѣніе ложью и клеветою, и которые—замѣчу мимоходомъ—не просуществовали-бы ни

одного дня въ Англіи, несмотря на утвердившуюся въ этой странѣ свободу печати, потому что они пали бы тамъ подъ ударами не нагаекъ, а судебныхъ приговоровъ, постановленныхъ во имя закона;—и не съ тѣми вредными искателями приключеній, которые только и мечтаютъ о томъ, какъ бы захватить власть, чтобы набить карманы свои, а затѣмъ предать страну врагу, ими глупо задѣтому.

Я не смѣшиваю прекрасное и славное въ народѣ съ наростами, образующимися на общественномъ организмѣ и которые, однако, развивая извѣстное броженіе, производятъ одуряющее дѣйствіе на колеблющихся и на слабыхъ духомъ.

Не имѣется человѣческаго жилья, близъ котораго не нашлось бы отбросковъ; не существуетъ общества, у котораго не было бы подонковъ.

Но во Франціи—и въ этомъ ваше важное преимущество—все происходитъ при свѣтѣ дня. Оттого-то виднѣе становятся у васъ общественныя язвы.

Въ иныхъ странахъ — наоборотъ: хищныя пресмыкающіяся, насытившись, скрываются въ потемкахъ, наслаждаясь мракомъ.

Этимъ объясняется, что иностранецъ, ослѣпленный яркостью свѣта, произноситъ подчасъ надъ французскими дѣлами приговоры слишкомъ поспѣшные и черезъ это уже несправедливые, въ особенности по сравненію съ тѣмъ, что приходится сказать о происходящемъ въ другихъ краяхъ. Кромѣ того, вы сами дали намъ право, благодаря вашему славному прошедшему, быть особенно требовательными относительно себя.

Да послужатъ настоящія строки отвѣтомъ тѣмъ, которые почтили меня отзывами, и пусть эти лица повѣрятъ, что, не взирая на нѣкоторыя быстро проходившія минуты раздраженія, я, въ дѣйствительности, никогда не сомнѣвался во внутрен-

нихъ силахъ Франціи и въ великомъ будущемъ, предназначенномъ вашему отечеству.

Примите увѣреніе» и т. д.

Письмо это, какъ сказано уже въ предисловіи, редакція газеты «Times» сама перевела на англійскій языкъ и напечатала у себя.